

Е. Э. Липшиц

ВИЗАНТИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ ЛЕВ МАТЕМАТИК

(Из истории византийской культуры в IX в.)

История византийской науки и просвещения периода позднего иконоборчества сравнительно мало изучена. Исследования в области истории византийской науки IX в. уделяют преимущественное внимание концу столетия, т. е. времени восстановления Константинопольского университета кесарем Вардой.¹ Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что в распоряжении Варды при организации им высшей школы нашлись готовые кадры ученых, нашлись профессора, которые сразу же поставили высшую школу на большую высоту. Один этот факт, не говоря уже о других, свидетельствует о том, что и наука и просвещение в период позднего иконоборчества отнюдь не переживали столь полного упадка, как это утверждали враждебные иконоборчеству византийские историки, с легкой руки Георгия Монаха, а вслед за ними и многие позднейшие исследователи. С этой точки зрения изучение состояния византийской науки и просвещения в период, предшествующий восстановлению иконопочитания, приобретает значительный интерес.

Настоящий очерк посвящен выяснению биографии и научного направления одного из наиболее выдающихся деятелей этого времени — Льва Математика, состоявшего в конце своей жизни ректором новосозданного Вардой Константинопольского университета.

I

Если обратиться к ставшему классическим справочнику по истории византийской литературы — руководству Крумбахера, то там можно найти следующие сведения о Льве Математике. По мнению

¹ Ср., например, работу Hussey. Church and learning in the byzantine Empire. Oxford 1937.

Крумбахера, Лев — магистр, патрикий, антипат (*μαχίστρος, πατρίκιος, ἀνθύπατος*) — ученый, работавший в области философии, астрологии и медицины. Он был учеником Михаила Пселла старшего; позднее стал преподавателем математических дисциплин в Константинополе. Он жил во времена императора Льва Мудрого (886—911) и при этом императоре часто выступал в роли посла. Лев Математик оставил ряд прозаических и поэтических произведений, к числу которых Крумбахер относит следующие:

1) Эпиграммы на Лукиана, на батрахомиомахию, на трех философов (Архиту, Платона и Аристотеля), Порфирия и др.;¹

2) два стиха на произведения математика Теона;²

3) стихотворную апологию Льва, написанную в ответ на обвинения его в неверии и в поклонении языческим богам (*Ἀπολογία Λέοντος τοῦ φιλοσόφου*);

4) четырехстрочную эпиграмму на учителя Льва Математика — Фотия;

5) ямбические стихотворения об упадке образования, чести и пр.³

Кроме того, по мнению Крумбахера, Льву, вероятно, принадлежат и стихи, сочиненные по случаю свадьбы императора Льва VI и написанные в стиле Анакреонта,⁴ а также некоторые тропари в Минеях (носящие в заголовке имя Льва — *Λέοντος μαχίστρου* или *μαίιστορος*).

Что касается прозы, то большая часть ее остается неизданной. Перу Льва принадлежит (по словам Крумбахера, основанным на указаниях Дюканжа) сочинение об империи и правителях, компендиум по медицине и астрологическое сочинение „*Περὶ ἡλιακῆς ἐκλείψεως τῆς ἐν τῷ βασιλικῷ τριγώνῳ τοῦ σοφωτάτου Λέοντος*“,⁵ а также, может быть, введение в искусство предсказания и еще одно произведение *ἱεραλοσόφιον*. Кроме того, Крумбахер приписывает Льву Математику переписку с болгарским царем Симеоном, квестором Анастасием и патрикием и антипатом Генесием, патрикием Фомой, спафарием Прокопием и другими лицами.⁶

¹ Изд. у Буассонада (F. Boissonade. *Anecdota graeca* II, 1839, p. 469—478).

² Изд. у Крамера (Cramer. *Anecdota I.* Paris, 1839, p. 399; *Anthologia Palatina*, 2, p. 201).

³ Изд. у Матранга (Matranga. *Anecdota graeca* II, 1850, pp. 557—560). Переизд. у Минь (Migne. *Patr. gr.*, t. 107).

⁴ Matranga. *Op. cit.*, pp. 501—570 (переизд. у Bergk. *Poetae lyr. gr.* III, pp. 1091—1097).

⁵ Такое наименование носит часть последнего, изданная в *Hermes*, 8, 1874, pp. 173—176.

⁶ Переписка эта издана Саккелионом в *Δελτίον τῆς Ἱστορικῆς καὶ ἐθνολ. ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος* I. 1833—1884, pp. 377—410.

Как мы увидим в дальнейшем, в этой характеристике Крумбахера ошибочно объединены факты биографии и сочинения двух разных ученых.

Во втором издании своей книги Крумбахер изменил свою точку зрения. Здесь он упоминает о существовании наряду с полменованным ученым еще одного ученого — Льва Математика, жившего в IX в. По словам Крумбахера, первый толчок новому развитию математических штудий дал Лев, имевший прозвание Философа (*ὁ φιλόσοφος*) или Математика (*ὁ μαθηματικός*), читавший публичные лекции в церкви „Сорока мучеников“. Позднее он стал фессалоникским митрополитом, наконец ректором университета, учрежденного кесарем Вардой при императоре Михаиле III (842—867). Там он преподавал философию. Он жил еще и во времена императора Василия I (867—886).¹ Далее Крумбахер ссылается на результаты исследования Heiberg'a (*Der byz. Mathematiker Leon*), которое дает некоторые новые данные, касающиеся этого ученого. Heiberg в названной работе установил тот факт, что одну из лекций Льва, повидимому, слышал Арефа Кесарийский. Heiberg заключает об этом на основании замечания, содержащегося в *Cod. Vodleianus* в рукописи Эвклида. В своем исследовании² Heiberg указывает, что в конце трактата Архимеда о квадратуре параболы [в Флорентийской рукописи] имеются слова, упоминающие о Льве геометре, посвятившем многие годы музам. Те же слова повторяются и в Парижской рукописи, представляющей, как и первая, копию с утраченной рукописи Архимеда в *Codex Vallae Antiquus*.

Отмечая, что в рукописи Эвклида, списанной в 888 г. клириком Стефаном для епископа Арефы, среди других фрагментов имеется отрывок об умножении и делении дробей с надписью: „ὁ πρόκλητος σχολικὸν εἰς τὰς τῶν λόγων σύνθεσιν τε καὶ ἀφαίρεσιν Λέοντος“ (школьный комментарий Льва о сложении и вычитании), автор приходит к выводу, что в обоих случаях речь идет о Льве-ученом, не идентичном с императором Львом Мудрым (хотя тот и занимался математикой). Но так как *Codex Vallae* по палеографическим особенностям датируется IX—X вв., то Heiberg делает вывод, что речь идет, вероятно, о том Льве Математике и философе, о котором многократно упоминают византийские источники, и который, как они сообщают, жил во времена Феофила и Михаила III. Из этих сообщений Феофана Продолжателя, Симеона Магистра, Георгия Монаха известно, что Лев был астрологом и магом, а также и

¹ K. Krumbacher. *Geschichte der byzantinischen Literatur*. 2. e Aufl. 1897, S. 622.

² *Bibliotheca Mathematica*. — *Ztschr. f. Gesch. d. Mathem.*, B. 33, Stockholm, 1887.

механиком. Ему, повидимому, можно приписать и некоторые астрологические сочинения.¹

Учитывая, что и по арабским источникам халиф Мамун (умер в 839 г.) покровительствовал развитию математических дисциплин, Heiberg считает весьма правдоподобным сообщение византийских авторов о приглашении Льва к арабскому двору. По инициативе халифа Мамуна, например, Најџај переводил Эвклида. Если это верно, то Арефа, время учения которого падает на 50-е годы IX в., мог слышать лекцию Льва об элементах Эвклида.

Принимая точку зрения Heiberg'a, Крумбахер и внес дополнительные сведения о втором Лье-ученом во 2-е издание своей книги. Таким образом, по его мнению, в IX—X вв. жили два одноименных ученых. Первый жил и действовал во времена Льва VI и носил чины антипата, патрикия и магистра и часто получал от императора назначения в качестве посла. Он интересовался философией, астрологией, медициной и позднее читал публичные лекции по математике. Его учителями были Михаил Пселл старший и Фотий. Этому же ученому Крумбахер приписывает все выше перечисленные прозаические и поэтические произведения, а также и переписку, изданную Саккелионом.

Второй ученый — философ, математик и механик — жил во времена императора Феофила (829—842), Михаила III (842—867) и Василия I (867—886). Из его произведений Крумбахер не упоминает ни одного. Однако уже де Боор (C. de Boor) в комментарии к изданной им *Vita Euthymii* высказал тот взгляд, что упоминаемый двоекратно в *Vita* (XIII, 2; XV, 10) Choerosphageus или Choerosphactes и был тот ученый Лев, которому принадлежит вышеупомянутая переписка.²

Комментируя эти места текста, де Боор специально останавливается на интересующей нас в данной связи личности Льва Хирсофакта.³ Он указывает, что изданные Саккелионом письма этого человека рисуют его как часто использовавшегося императором дипломата. Кроме того, именно ему (Льву Хирсофакту) де Боор приписывает многочисленные произведения, дошедшие до нас в рукописной традиции. Де Боор восстанавливает список произведений Льва Хирсофакта и его биографию в следующих чертах.

¹ Fabricius. *Bibl. Gr.*, t. VI. Hamburg, p. 366.

² *Vita Euthymii. Ein Anekdoton zur Geschichte Leons des Weisen (886—912)*. Hrsg. v. C. de Boor. Berlin, 1883, SS. 45, 53, 189 сл. (См. о нем новую работу М. А. Шангина. Византийский сборник, Л., 1945, стр. 228—248).

³ *Vita Euthymii*, p. 189 и сл.

Уже в надписях на письмах он именуется себя магистром, проконсулом и патриkiem. В 20-м письме он упоминает о должности мистика (*μυστικὴ θεράπεια*), которую он занимал во времена Василия I. Отсюда де Боор делает тот вывод, что ему принадлежит извлечение толкования к Ветхому завету, которое обозначено в кодексе Лаврентинской библиотеки (Pl. IX. Cod. 23) и в кодексе Венской библиотеки (у Lambec. IV², 133) как произведение: „*Λέοντος μαγίστρου ἀνθυπάτου πατρικίου τοῦ μυστικοῦ*“.

В заголовке к сходной эпитоме к Новому завету в Венской библиотеке (у Lambec. IV², 334) он именуется только как *μαγίστρος, ἀνθυπάτος καὶ πατρικίος*. Те же наименования Льва имеются и в одном эксцерпте в Vaross. 76.

При распространенности имени Льва, конечно, не исключена возможность, — указывает де Боор, — что автором этих произведений мог быть другой одноименный человек, достигший тех же чинов и занимавший те же должности. Однако сходный богословский предмет изложения говорит скорее за идентичность Льва с автором обеих *ἐπιτομαί*.

Если допустить, что *χιλιόστιχος θεολογία* является еще юношеским произведением, то такое отнесение перечисленных произведений именно к этому автору окажется хорошо увязанным хронологически и с другими данными. Варда был кесарем в 858—866 гг. Лев Хирсфакт родился, по мнению де Боора, около 840 г., почему и жалуется на свой преклонный возраст в письмах, написанных в 907 г. При Василии I Лев Хирсфакт занимал должность „мистика“ и *ἐπί τοῦ κανικλείου*. Свою же политическую карьеру (протекавшую главным образом на дипломатическом поприще) он проделал уже во времена Льва VI (886—912), с которым был дважды связан родством.

Наиболее исчерпывающие сведения о своей дипломатической карьере Лев Хирсфакт сообщает в 18-м письме. Он упоминает там, что не только был послан с миссией в халифат, но и троекратно участвовал в посольствах к болгарам. О первой его поездке в Болгарию упоминает и Симеон магистр.¹ Она совпала с болгарской войной, начавшейся в 893 г., и привела (по словам Льва) к освобождению 120 тысяч пленных и к заключению мирного договора (ср. письма 1—14). Дата второй болгарской миссии определена быть не может. Лев хвалился тем, что в результате этой поездки он добился передачи Византии 30 крепостей в районе Диррахуума. Третья миссия падает на 904 г., так как ее целью было помешать

¹ Ed. Bonn, p. 773 и сл.

болгарам захватить взятые арабами (30 июля 904 г.) Фессалоники. Немногим позже Лев Хирсофакт должен был предпринять свою поездку на Восток. Послан он был к багдадскому двору явно для того, чтобы трактовать об освобождении пленных, захваченных в Фессалониках, а также и с целью заключения мира. Миссия к восточным патриархам, как и многое другое, была присоединена позднее. Далее де Боор цитирует письмо Льва, в котором тот похвалится десятью своими достижениями, выполненными им для государства, в том числе заключением мира и договором о возврате пленных. К числу своих важнейших заслуг он причисляет успех у патриархов по вопросу о четвертом браке.¹

Далее де Боор переходит к обозрению истории последующих неудач Льва Хирсофакта. Уже в дороге, — пишет он, — Лев тяжело заболел (письма 21—25, 15 и 16) и когда он возвратился домой, то неожиданно-негаданно впал в немилость у императора. Основываясь на указании в 16-м письме, де Боор считает, что Лев был затем сослан в отдаленную крепость Петру. Причины внезапной ссылки Льва, по мнению де Боора, не вполне ясны. Повидимому, один евнух, который ранее использовался в качестве посла к иверам, сыграл в этих интригах большую роль. Он участвовал в посольской миссии Льва и уже тогда пытался помешать ее успеху, но так как это ему не удалось, он постарался оклеветать Льва; все заслуги Льва он приписал себе, ошибки же Льву. Старые враги Льва и родственники, жаждавшие захватить его имущество, использовали эти наветы, чтобы затеять в отсутствие Льва Хирсофакта интригу против него.

Де Боор сомневается в том, что Лев был ни в чем не виновен. Странно, — пишет де Боор, — что в многоречивых письмах Льва мы нигде не находим ясной и прямой жалобы на несправедливое обвинение или указания на безвинное осуждение. Нет в них и требования правосудия, требования защиты своих прав. Лев взывает лишь к милости императора, ссылаясь на свои прежние заслуги и на свой преклонный возраст. Де Боор высказывает еще одно предположение: что Лев, возможно, был участником интриг византийского военачальника Андроника (находившегося во время его посольства уже при дворе багдадского халифа) и, может быть, был скомпрометирован в истории смещения патриарха.

Последним моментом жизни Льва Хирсофакта явилось его участие в восстании Константина Дуки (в первые годы правления Константина Багрянородного). После подавления восстания он

¹ Письмо 2-е; ср. п. 25.

укрылся в церкви св. Софии, а затем был пострижен в монахи в Студийском монастыре.

В заключении де Боор указывает, что этому Льву Хирсфакту, возможно, принадлежат стихи, изданные у Матранги.¹ А если это так, то, значит, он жил еще и в 919 г., так как одно из этих стихотворений посвящено свадьбе Константина Багрянородного с Еленой, отпразднованной в 919 г. Кроме того, де Боор приписывает ему опубликованный там же ядовитый памфлет, написанный Константином Родосским, из которого можно заключить, что Лев был впутан в литературные интриги своего времени.

Приведенные выше выводы де Боора указывают, что он полностью идентифицирует Льва Хирсфакта с тем Львом Философом, о котором Крумбахер писал как о крупном ученом времен Льва Мудрого, подвизавшемся не только на дипломатической арене, но и на поприще науки и просвещения в качестве философа и математика.

В своей статье, напечатанной в 1901 г.,² де Боор снова возвращается к рассмотрению этого вопроса. Он обращает внимание на ошибку Крумбахера: последний спутал дипломата Льва [идентифицированного де Боором в вышеразобранных комментариях к *Vita Euthymii* с Львом Хирсфактом] и Льва Философа — профессора высшей школы в Константинополе. Де Боор основательно замечает при этом, что здесь получается полная хронологическая неувязка. Совершенно невероятно предположение, что ученый, который пользовался большой славой как профессор во времена императора Феофила (829—842) и Михаила III (842—887) и занимал в 840—843 гг. место фессалонийского митрополита,³ мог бы вынести еще и в 905—906 гг. длительную двухлетнюю поездку с миссией на Восток, а затем принимать участие в восстании и сочинять стихи, посвященные жене императора Константина VII. Соответственно должны быть, по мнению де Боора, дифференцированы и эпиграммы, приписываемые Льву. Одни из них принадлежат Льву Старшему Философу; другие же более молодому магистру — Льву Хирсфакту. Итак, де Боор внес существенные поправки в построение Крумбахера, идентифицировав первого (младшего) из перечисленных Крумбахером ученых с известным дипломатом времени Льва VI, Львом Хирсфактом, и определив важнейшее

¹ Matranga. Op. cit., p. 561 и сл.

² Zu Genesios. — Byz. Ztschr., X. 1901, p. 63.

³ Де Боор ссылается здесь на Продолжателя Феофана (Bonn, p. 185 сл.). — Подробный перечень данных источников приводится нами ниже.

принадлежавшее перу этого последнего сочинение. Однако и де Боор не разрешил вопроса до конца.

Иначе подошел к разрешению вопроса Дж. Бьюри в своей „Истории Восточной римской империи“, где он посвящает отдельную главу вопросам просвещения и науки в 802—867 гг.¹ Сообщая факты биографии Льва, Бьюри характеризует этого ученого не только как математика и руководителя Университета Варды, но и как философа. По мнению Бьюри, именно этому ученому, жившему во времена Феофила, принадлежат почти все те сочинения, которые Крумбахер приписывал Льву, идентифицированному де Боором со Львом Хиросфактом — или Львом младшим.

Следуя в своем изложении, главным образом, повествованию Продолжателя Феофана, Бьюри отмечает следующие важнейшие черты биографии Льва — философа и математика. Лев был двоюродным братом патриарха Иоанна, грамматику и поэзию он изучал в Константинополе, а для изучения философии и математики, в которых достиг выдающихся успехов, он обратился к ученому, жившему на острове Андросе. Для пополнения своих знаний Лев посетил много монастырских библиотек с целью изучения и приобретения книг. По возвращении в Константинополь он жил в большой бедности, занимаясь преподаванием. Его ученики достигли больших успехов. Один из них, которому Лев преподавал геометрию, был назначен секретарем одного стратега, которого он сопровождал в восточной кампании. Затем Бьюри излагает, следуя тексту того же Продолжателя Феофана, всю историю пленения этого ученика и его математических дискуссий при дворе халифа Мамуна. В состязании его с арабскими математиками выяснилось превосходство его познаний. Арабские ученые хорошо усвоили лишь номенклатуру Эвклида и умели только чертить геометрические фигуры; доказывать геометрические теоремы они не умели, ученик же Льва изложил требуемую систему доказательств, чем и привел их в полное изумление.

В результате полученного от него сообщения, что его учителем является математик Лев, живущий в бедности и неизвестности, халиф написал письмо Льву с приглашением приехать в Багдад. Получив письмо и опасаясь, что полученное от врага приглашение может его опорочить в глазах византийского императора, Лев показал письмо логофету Феоктисту, который в свою очередь сообщил о том императору. После этого император Феофил определил Льву

¹ J. Bury. A history of the Eastern Roman Empire from the fall of Irene to the accession of Basil I, 802—867. London, 1912. Ch. XI, § 2.

жалование и назначил его профессором в школе при церкви „Сорока мучеников“ (между Августейоном и форумом Константина). Далее последовала новая переписка Мамуна со Львом, заключавшая в себе ряд геометрических вопросов, на которые Лев дал блестящий письменный ответ. Тогда халиф уже обратился непосредственно к императору с просьбой отпустить к нему Льва хотя бы временно. Взамен он предлагал вечный мир и две тысячи золотых фунтов. Но византийский император, „не желая распространять среди варваров научные знания“, секретом которых владела византийские ученые, отказал халифу в его просьбе. Вслед за тем, Лев был рукоположен в митрополиты. После трехлетнего пребывания в должности фессалоникского митрополита при восстановлении иконопочитания в 843 г. он был смещен.

Комментируя эти известия византийского хрониста, Бьюри замечает, что если они и не во всех деталях верны,¹ то во всяком случае в общем весьма правдоподобны. При этом Бьюри (как и Heiberg) указывает на то, что интерес арабского халифа Мамуна к науке и просвещению является установленным и несомненным фактом. Мамун основал библиотеку и обсерваторию в Багдаде; при нем и его преемниках появилось много математических, медицинских и философских произведений греков в арабских переводах. Обвинение арабских математиков в том, что они были неспособны понимать доказательства Эвклида, Бьюри считает измышлением „самолюбивого грека“. Во всем рассказе Продолжателя Феофана Бьюри видит доказательство того положения, что Багдад сыграл стимулирующую роль в развитии византийской науки. В обоснование этого взгляда Бьюри приводит тот факт, что и другие византийские научные авторитеты этого времени имели сношения с халифатом, например, патриархи Иоанн Грамматик и Фотий, посланные с миссиями на Восток. И о Константине Философе известно, что он вел диспут с ученым магометанином по вопросу о Троице. Самый факт этого диспута, может быть, и неверен, но характерен. Во всяком случае, по мнению Бьюри, в IX в. был большой взаимный интерес со стороны магометан и христиан. Никита-византиец, современник Фотия, даже сочинил „опровержение учения Магомета“.²

Когда Лев, как иконоборец, был смещен с кафедры, он возобновил свое частное преподавание. Во время правления Феодоры в Константинополе было три выдающихся профессора — Лев,

¹ J. Bury. Op. cit., p. 436.

² Изд. у Migne. Patr. gr., t. 105.

Фотий и Константин. Константин был обязан своей официальной кафедрой философии Феоктисту. Лев же (как и Фотий) принадлежал к кружку кесаря Варды, который, по мнению Бьюри, имел более серьезный и глубокий интерес к интеллектуальным вопросам, чем Феофил и Феоктист. Далее Бьюри характеризует деятельность Варды по реформе высшей школы. Варда снабдил школу большими средствами и оживил в новой форме (хотя, повидимому, в меньшем объеме) Константинопольский университет, учрежденный Феодосием II (425) и пришедший в упадок и забвение при исаврийской династии. Ректором университета и руководителем высшей школы стал Лев. Университет был помещен во дворце Магнавра. Ученики Льва — Федор, Теодегий и Кометас стали профессорами геометрии, астрономии и филологии.

Считая вслед за Крумбахером (2-е изд.)¹ и де Боором, что Лев-философ не идентичен с одноименным Львом-магистром (Львом Хиросфактом), подвизавшимся на дипломатическом поприще при Льве VI, Бьюри в то же время приписывает Льву философу и математику многие сочинения, которые Крумбахер и де Боор приписывают второму одноименному ученому. Так, по мнению Бьюри, именно этому Льву старшему принадлежит эпиграмма на математика Теона и похвала Проклу. Соответственно он считает, что к тому же ученому относятся и злобные стихи, написанные Константином, именующим себя учеником Льва.²

В этих стихах Константин обвиняет своего учителя в вероотступничестве, в приверженности эллинизму и в том, что, отвергая Христа, он поклоняется древнегреческим богам. Сатира получила распространение и вызвала резкую критику. Автора упрекали за нападение на своего учителя, а некоторые стали утверждать, что он был подговорен врагами, чтобы очернить память философа. Константин ответил на эти упреки ямбическими излияниями. Он не взял обратно и не смягчил своего резкого суждения о Льве. Вместо того он самодовольно описывает себя как „убийцу“ нечестивого учителя.

Основываясь на содержании памфлета (в совокупности с другими данными), Бьюри приходит к выводу, что хотя обвинения, которые фанатично настроенный ученик выдвинул против Льва, возможно, и преувеличены, однако они устанавливают тот факт, что

¹ Крумбахер внес соответствующий абзац о Льве математике (старшем) лишь во 2-е издание своей книги. Однако и там остался неизменным раздел, трагующий о Льве (младшем), вследствие чего получилась еще большая путаница.

² См. *Migne. Patr. gr.*, t. 107, где они причислены к произведениям, относящимся к императору Льву VI.

Лев был всецело занят наукой и философией и не интересовался христианской догматикой. Таким образом, Бьюри включает сатиру и апологию в число кардинальных моментов биографии Льва, характеризующих его научное направление. Предшествующими же авторами эта сатира и апология была отнесена к числу произведений, трактующих о Льве младшем — Хирсофакте. Попутно Бьюри отмечает, что он считает грубейшей ошибкой отнесение апологии к числу произведений самого Льва-философа, — ведь из самих стихов мы узнаем, что Лев уже не было в живых, когда Константин опубликовал свой памфлет. А из начальных строк апологии мы узнаем, что автора упрекали за то, что „он обвинил своего учителя“. Следовательно, по мнению Бьюри, автором „апологии“ является не Лев, а его ученик Константин.

Заключая свой очерк жизни и научной деятельности Льва, Бьюри отмечает, что Лев (подобно Иоанну Грамматику и Фотию) производил на окружающих впечатление „чародея“ благодаря своим астрологическим познаниям. В связи с последними Бьюри (в отличие от Крумбахера) приписывает именно этому Льву-философу написание метода предсказаний (*μὲθοδος προγνώστης τοῦ ἀγίου εὐαγγελίου ἢ τοῦ ψαλτηρίου*) и фрагмент астрологического трактата о затмениях.

Вопросов биографии Льва Математика касается в своем капитальном исследовании о Фотии и Ф. М. Россейкин.¹ Вслед за Хергенрэйтером (Hergentröther),² он считает, что Лев Математик был одним из тех ученых, которые по своему положению и образованию могли быть учителями Фотия. Излагая историю приглашения Льва к халифу Мамуну, Ф. М. Россейкин справедливо отмечает в ней ряд хронологических несообразностей. Однако он не дает окончательного решения вопроса, ограничиваясь общим замечанием о своем несогласии с Гиршем и Васильевым³ относительно правдоподобия рассказа Феофана. По мнению Ф. М. Россейкина, вся история Феофана представляет легендарную обработку ряда достоверных фактов.

Хотя работами всех поименованных исследователей и была внесена значительно бóльшая ясность в первоначальное построение Крумбахера, но все же вопрос остался неразрешенным. Нельзя, например, не обратить внимания на тот факт, что крупнейший

¹ Ф. М. Россейкин. Первое правление Фотия. 1915, стр. 14—15, 17.

² J. Hergentröther. Photius, Patriarch von Konstantinopel, sein Leben, seine Schriften und das griechische Schisma, B. I. Regensburg, 1867.

³ Об оценке известий Феофана Гиршем (Hirsch. Byzantinische Studien. Leipzig, 1876, S. 216) см. ниже; А. А. Васильев. Византия и арабы. 1900.

специалист по истории Болгарии — проф. Златарский вновь возвращается к точке зрения Крумбахера. Упомянув по ходу изложения политических взаимоотношений Болгарии и Византии в начале X в. о дипломатических миссиях Льва Хиросфакта, профессор Златарский делает следующее примечание: „Лев Хиросфакт, который именуется в письмах¹ магистром, антипатом и патриkiem, родился около 840 г. Он был учеником старшего Пселла (I) и патриарха Фотия, под руководством которых получил солидное образование по философии, астрологии и медицине и потому известен под именем Философа.² Еще при Михаиле III (842—867) и кесаре Варде он проявил себя как писатель, затем был профессором математических наук в Царьграде. При Василии I он же занимал должность мистика, но как дипломат известен только при Льве VI, с которым вступил в двойное родство“.

Совершенно очевидно, что проф. Златарский (как и Крумбахер) объединяет в одном лице двух разных ученых, живших в разное время. Он приписывает Льву — участнику дипломатических миссий к болгарам — все черты его одноименного предшественника. Он считает его крупным ученым в области философии, математики и медицины, который еще в молодости проявил себя и как писатель.

Любопытно сопоставить с этой оценкой ту характеристику, которую дает Льву Хиросфакту Н. Попов в своем исследовании о Льве Мудром,³ как о человеке лишь „довольно образованном“!

Попутно отметим, что Попов (как и Минь) считает, что и памфлет и апология относятся не к Льву Хиросфакту (как это полагают Крумбахер и де Боор) и не к Льву Математику старшему (как думает Бьюри), а к императору Льву VI. Отсюда Попов и сделал свой слабо обоснованный вывод о пристрастии императора Льва к классической литературе, об изучении им с особенной охотой греческих и римских классиков и о его увлечении искусством предсказания.

Однако в новейших исследованиях, касающихся интересующего нас вопроса, взгляд Крумбахера можно считать окончательно оставленным. Если эти новые работы и не внесли еще полной ясности в биографии каждого из названных ученых и не определили окончательно списка их произведений, а следовательно,

¹ Речь идет о переписке, изданной Саккелионом.

² Златарский, История на Българската държава, т. I. София, стр. 302.— См. ниже о неправдоподобии той версии, что Михаил Пселл был учителем Льва.

³ Н. Попов, Император Лев VI Мудрый. М., 1892, стр. 15.

и направления их научных интересов, — то все же они дали многое для разрешения интересующего нас вопроса. Из числа этих исследований нужно прежде всего уделить внимание работе Ф. Дворника (F. Dvornik), посвященной паннионской легенде.¹ Попутно с изложением биографии Константина-философа Дворник останавливается и на деятельности его учителя — Льва.

Ф. Дворник ставит вопрос о том, какова была судьба Льва Математика после событий 842 г. По его мнению, Лев был в очень хороших отношениях с логофетом Феокистом. Через него он довел до сведения императора о полученном им от халифа письме. Если самое письмо, может быть, следует считать легендарной подробностью, то все же Дворник считает характерным самое упоминание

Феокисте. Именно благодаря вмешательству Феокиста Лев стал профессором высшей школы, реорганизованной Феофилом. Феокист, очевидно, и смягчил кару, постигшую Льва, как иконоборца, при восстановлении иконопочитания. Попутно Дворник (как и Бьюри) отмечает, что Лев, в отличие от своего родственника — патриарха Иоанна Грамматика, был сравнительно индифферентен к вопросам религии. Дворник обращает внимание на тот факт, что хронисты, большей частью очень порочащие иконоборцев, остаются благожелательными ко Льву.²

По всем этим соображениям, весьма вероятно, — замечает Дворник, — что правительство Феодоры и Феокиста, после смещения Льва с фессалоникской кафедры, предоставило ему, заботясь об умиротворении, ту должность, которую он уже ранее занимал в высшей школе. Именно так, — пишет Дворник, — рисуется дело по житию Константина, который получил в Константинополе высшее образование, будучи учеником прославленного ученого Льва. Время прибытия Константина в Константинополь установить трудно. Однако, по мнению Дворника, это было не ранее смерти императора Феофила (842), — вероятнее всего в 843 г. или даже позднее, т. е. тогда, когда Лев, смещенный с фессалоникской кафедры, оказался снова на профессорском посту в Константинополе.³ В 850 г. или в начале 851 г. Константин стал вместе со своими учителями Львом и Фотием профессором Константинопольской высшей школы.⁴

¹ F. Dvornik. Les légendes de Constantin et de Méthode, vues de Byzance. Prague, 1933.

² Theoph. Cont., p. 185; Genesis, p. 98; Symeon Magister, p. 640; Cedrenus II, p. 166; Zonaras, III, стр. 400.

³ Dvornik. Op. cit., p. 34.

⁴ Ibid., p. 79.

Далее Дворник останавливается на рассмотрении вопроса о местонахождении школы, в которой преподавал Лев, до того как стал митрополитом фессалоникским. Полагаясь в этом вопросе на сообщение Продолжателя Феофана, Дворник считает, что местонахождением школы была церковь „Сорока мучеников“, а не Магнавра, как то утверждает Георгий Монах. Дворник приходит к выводу, что Университет Варды не был полным нововведением. Создание университета Вардой лишь увенчало мероприятия, предпринятые в деле реформы высшего образования Феофилом и затем Феокистом. Варда, повидимому, объединил в одном месте и под общим руководством ректора (Льва Математика) всех профессоров, преподававших до того в разных местах. Его заслугой явилось и материальное обеспечение университета. Реформа была проведена, по всей вероятности, около 883 г.¹

К совершенно аналогичным выводам Дворник пришел и несколько раньше в своей статье, специально посвященной рассмотрению университетской деятельности и карьеры Константина и попутно касающейся интересующего нас в данной связи вопроса.² В своем исследовании о высшей школе Константинополя³ Фукс (Fuchs) уделяет также некоторое внимание вопросам, связанным с карьерой и деятельностью Льва Философа. Он считает, что Лев родился около 800 г. в Фессалийской Ипате. Упоминание (единственно только) Скилицей-Кедрином о том, что Михаил Пселл старший был учителем Льва, Фукс считает весьма сомнительным.

Среди учеников Льва Фукс упоминает одного, бывшего профессором в Багдаде. В школе Варды Лев был профессором *της ἑξω σοφίας ἐπιμεληθείς*, т. е. профессором светских наук. Кроме философии он преподавал арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Помощниками его являлись: по геометрии — Феодор (по Кедрину — Сергей, отец ученика, заинтересовавшегося Львом халифа Мамуна), по астрономии — Феодегиос, по грамматике — Кометас.

Вышеуказанными (противоречивыми в значительной степени) оценками жизни и деятельности Льва исчерпываются главные результаты исследовательской работы, проведенной в этом направлении. Рассмотренный нами материал, думается, показывает, что, несмотря на немалые достижения, и по сей день остаются совершенно неразрешенными некоторые кардинальные вопросы.

¹ F. Dvornik. Op. cit., p. 82.

² F. Dvornik. La carrière universitaire de Constantin le philosophe. — *Byzantinoslavica*, 1931, pp. 59—67.

³ F. Fuchs. Die höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. Leipzig u. Berlin, 1926.

Если можно считать решенным вопрос об идентификации Льва младшего с дипломатом времен императора Льва Мудрого — Львом Хиросфактом, то остаются до сих пор неясными вопросы отнесения сохранившихся сочинений к тому или иному автору и о биографических вехах и времени жизни Льва старшего. Спорным остается и вопрос о том, к какому именно Льву должно отнести памфлет, написанный Константином: к Льву Философу старшему (Бьюри), к Льву Хиросфакту (Крумбахер, де Боор) или к императору Льву VI Мудрому (Мишь, Матранга, Попов). Но без разрешения этих вопросов не может быть выяснено и научное направление Льва. Для осуществления поставленной задачи необходимо подвергнуть новому систематическому и критическому пересмотру все упомянутые источники.

II

Сведения о жизни и деятельности Льва (старшего) сообщают византийские авторы: Георгий Монах, Псевдо-Симеон (Симеон Магистр), Продолжатель Феофана, Лев Грамматик, Константин Багрянородный, Скилица-Кедрин, Зонара, Михаил Глика, Константин Манассия, а также безыменная „Апология“, приписываемая одними авторами перу ученика Льва (старшего) Константину (Бьюри) другими (Мишь, Матранга) — императору Льву VI Мудрому и третьими — Льву Философу младшему (Крумбахер). Наконец, некоторые данные имеются и в паннонской легенде о Константине.

Обратимся к рассмотрению данных Георгия Монаха. Сведения о Льве содержит лишь распространенная версия хроники Георгия. В древнейшей краткой редакции, изданной де Боором,¹ составленной, по мнению Гирша (Hirsch),² незадолго до 867 г., имя Льва вообще не упоминается. Правда, все сведения, относящиеся к периоду царствования Феофила, изложены в этой версии очень кратко (из 29 глав распространенной редакции, представленной Московской, Парижской и Мюнхенской рукописями, в краткой редакции Коазлинской рукописи имеется лишь 4 главы). Таким образом, в краткой редакции опущен ряд не внушающих никаких сомнений фактов. Потому отсутствие упоминания о Льве в этой редакции не может считаться решающим доводом при определении степени первоначальной достоверности сведений о его жизни и деятельности.

Более распространенная редакция хроники Георгия, как это показало исследование Гирша, была составлена не ранее времени Льва VI (886—912). Если принять это заключение Гирша как

¹ *Georgius Monachus. Chronicon. 2 vols., ed. de Boor. Lipsiae, 1904.*

² *F. Hirsch. Op. cit., pp. 1—15.*

доказанное, то и тогда получается, что данные Георгия отделены от описываемых им событий сравнительно небольшим промежутком времени.

У Георгия о Льве Философе упоминается впервые при изложении хода военных событий, приведших к занятию Амория арабами: „Эмир (ὁ ἀμυρούλωνης), подойдя с большими силами, осадил Аморий, вступал во многие сражения, но не мог захватить город. Причиной этого была храбрая и стойкая защита (города. — *Е. Л.*) осажденными. Но в лагере находился один ученик философа Льва (μαθητῆς δὲ τις Λέωντος τοῦ φιλοσόφου ἦν ἐν τῷ κήστρῳ), намеревавшийся перейти на сторону эмира. По этой причине астроном дал ему (эмиру) знать: „если вы удержите осаду два дня, то захватите нас“. Так и случилось. Потому что был предан (город. — *Е. Л.*) названным Воидицей (Βοιδίτζη) и Маникофагом. Были захвачены из людей именитых и знатных и прибыли в Сирию пленниками — Феофил патрикий и стратег, Мелиссин и Аэций и Федор протоспафарий, евнух Кратерус, Каллист турмарх, Константин Друнгарий и Вазоэс — гонец, а также и многие другие архонты знати. Протосимвул (ὁ πρωτοσύμβουλος) пытался принудить их отказаться от их веры, но они этому не подчинились. Тогда они были обезглавлены мечом, обменяв преходящую жизнь на жизнь вечную. Тот же, кто выменял прекрасную жизнь на худшее спасение, — ученик философа Льва, спасшийся к амерумну, был допрошен им о его научных познаниях (περὶ τῆς ἐπιστήμης αὐτοῦ). Он же сказал, что является учеником философа Льва. Тот, узнав, что за человек Лев и как он учен, возгорелся желанием его увидеть лично. И послал через кого-то из пленных письмо к Льву философу в Константинополь, обещая, что если Лев придет, то он будет у него находиться в почете. Лев же, получив письмо и опасаясь, чтобы это не обнаружилось, передал его императору Феофилу. Тот, узнав о его познаниях и узнав, что он имеет такого мудрого человека в своем государстве, взял его во дворец Магнавру и передал ему для обучения учеников и предоставил ему все необходимые средства для работы (προσλαβόμενος αὐτὸν εἶχεν ἐν τῷ παλατίῳ τῷ Μαγνάβρας παραδοῦς αὐτῷ διδάσκειν καὶ μαθητὰς παρέχων αὐτῷ τὰ πρὸς ὑπερσίαν ἅπαντα). Тот же (Лев. — *Е. Л.*) стал и фессалоникским митрополитом“.¹ На этом рассказ Георгия заканчивается.

В продолжении к его хронике имеются еще два сообщения, касающиеся Льва. В первом рассказывается о том, что Лев предупреждал Варду об угрожающей ему смерти. „В то время как

¹ Georgius Monachus. Chronicon, ed. Bonn, 1839, pp. 805—806.

в Халкопратии происходила торжественная служба в праздник Благовещения... пришел патриарх Фотий и император с кесарем (Вардой. — Е. Л.) и паракимуменом в катехумены... и дали клятву кесарю император и Василий, что он может бесстрашно последовать с ними в лагерь. Лев Философ же ясно увещевал Варду не идти с ними. Потому что, если пойдет, — сказал он, — не вернется“.¹

Последнее известие Продолжателя Георгия трактует о землетрясении, происшедшем во времена Василия I, и о спасении Льва: „Произошло землетрясение в праздник Полиевкта Великого, так что земля сотрясалась в течение сорока дней. Тогда и шар упал со статуи на форуме и обрушилась церковь Богородицы, именуемая Сигмой, так что все, певшие там псалмы, погибли. Лев же философ, находившийся там, сказал певшим и всем бывшим там, чтобы они вышли из церкви. Но они не послушались и все вместе погибли. Сам же философ, стоявший у колонны под храми вместе с двумя другими, спасся, а также и еще другие пять, находившиеся под амвоном“.²

Повествование Георгия Монаха полностью повторяется и у Псевдо-Симеона Магистра. Так же, как и Георгий, Симеон начинает свое изложение с описания осады Амория арабами. Так же, как и Георгий, он включает в рассказ сообщение о предательстве ученика Льва.³

Однако, в отличие от Георгия, скупой рассказ которого ограничивается простой и правдивой передачей хода событий, Псевдо-Симеон старается приукрасить свое повествование собственными домыслами и явно выдуманнными сверхъестественными легендарными подробностями во вкусе средневековых хроник. Это особенно ярко сказывается в описании судьбы Вудицы, значительно отличающемся от повествования Георгия.

Георгий, рассказывая о судьбе ученика Льва, ограничивается тем, что сообщает о его помиловании и о дальнейшем его разговоре с эмиром, в результате которого последовала посылка Льву приглашения приехать. Псевдо-Симеон же, явно неудовлетворенный таким благополучным исходом судьбы предателя, уснащает рас-

¹ Ibid., p. 829.

² Ibid., p. 840. Землетрясение произошло 9 января 862 г. См. E. Muralet. *Essai de chronographie byzantine (de 395 à 1057)*. СПб., 1855, стр. 451.

³ Транскрипция имени у этого автора не Вондица, а Вудица (Βουδίτζη). Sym. Magist. Op. cit., p. 639. В сказании о 2 аморийских мучениках, изд. В. Г. Васильевским и П. Г. Накитиным в 1898 г. (Зап. Ак. Н. VIII серия, т. VII, № 2, стр. 4 и 108) тот же персонаж именуется Βουδής-слав. Вуд (у Еводия).

сказ новыми подробностями, проникнутыми откровенно морализующей тенденцией и к тому же вносящими в повествование отсутствующую у Георгия путаницу. Описывая судьбу пленных и упоминая при этом о попытке Феофила выкупить их (чего нет у Георгия), Псевдо-Симеон рассказывает, что, „когда глениые были приведены в Сирию и многие были насильно гредставлены протосимвулу“, вместе с ними был приведен и Вудица, „который был приговорен к семи годам заключения“.

„И так как они не подчинились требованию отречься от христианства, то были обезглавлены мечом, возлюбив вечную жизнь больше, чем преходящую, и через день были брошены в реку. Но, что явилось чудом, это то, что каждая голова вместе с отсеченным своим телом соединилась и срослась. Когда с этим было покснчено, протосимвул приказал обезглавить и Вудицу, говоря, что и он, если является православным христианином, не сможет стать магометанином“. Таким образом, и Вудица разделил судьбу своих единоплеменников, невзирая на свое предательство. Но с его головой и телом этого чуда не произошло. Итак, Вудица был дважды наказан. Но Симеону и этого оказывается мало и потому он в заключении сообщает, что тело предателя пожрали крокодилы...

Далее следует повествование — вполне аналогичное тому, которое имеется у Георгия: о разговоре ученика Льва с амерумном на тему о его научных познаниях и о приглашении Льва в халифат.

В результате, у Псевдо-Симеона остается уже совершенно неясным — идентичен ли ученик Льва, предавший Аморий, с Вудицей. Рассказ построен так, что совершенно непонятно включение в него эпизода с Вудицей. Оказывается, что Вудица и ученик Льва, сыграв одинаковую роль при сдаче города, были совершенно разными персонажами.

Как уже было указано, в своем дальнейшем повествовании Псевдо-Симеон полностью повторяет рассказ Георгия с единственным отличием. Завершая свое повествование, он прибавляет, что Лев „стал затем митрополитом Фессалоник, рукоположенный патриархом Мефодием (ὄπο τοῦ ἀριστατοῦ πατριάρχου Μεθόδου). Как мы увидим ниже, и это добавление Псевдо-Симеона о рукоположении Льва Мефодием является грубой ошибкой и расходится со всеми другими данными источников.¹

¹ На ошибочность этого сообщения Псевдо-Симеона указывает Гирш (назв. соч., стр. 334).

Что касается сообщений, имеющихя у Продолжателя Георгия, то Псевдо-Симеон воспроизводит оба. Кроме них, он включает также рассказ в духе своих обычных фантастических добавлений — о предсказании грядущей смерти Варды Львом по статуе, обрушившейся со второй колонны в церкви Анны во время землетрясения.¹

Наряду с этим Псевдо-Симеон включает в свое повествование рассказ, рисующий чрезвычайно любопытную деталь в деятельности Льва. „Философ Лев, ставший митрополитом Фессалоник, посоветовал императору Феофилу, чтобы он сделал две одинаково двигающиеся пары часов (ὡς ὠρολόγια ἐποίησεν δύο ἐξ ἑσού κάμνοντα). И чтобы одни часы поставил в крепости в Киликии, близ Тарса, другие же — во дворце. На них под каждым часом были (предусмотрены. — *Е. Л.*) и написаны различные события, случающиеся в Сирии: под первым часом — набег сарацин, под вторым — сражение, под третьим — пожар, и так далее подобным же образом и другие (возможные. — *Е. Л.*) события. И если что-либо происходило в Сирии, то зажигался огонь в тот час (из предусмотренных двенадцати возможных случаев), под которым этот случай был записан. И так как стража неослабно и тщательно наблюдала за наличными сигналами, то она сразу же передавала сигнал огневым сигналом от крепости по имени Лулон к крепости на Аргейском холме. Оттуда снова к таковым на Самосе, Эгине, затем на холме Маманта. Оттуда в Киризос, в Мокилос, затем от холма Авксентия сигнал становился сразу известным и дворцу через солнечный маяк. Как говорят, император Михаил был занят конскими бегами, когда было возведено огневым сигналом о набеге сарацин. Император же, опасаясь, чтобы не уменьшилось число зрителей на завтрашних бегах, приказал, чтобы эти огневые сигналы более не зажигались“.²

В этой части сообщение Псевдо-Симеона подтверждается и другими источниками: Продолжателем Феофана,³ Константином Багрянородным, Скилицей-Кедрином, Михаилом Гликой и Константином

¹ Symeon Magist. Op. cit., pp. 676—677; ср. Theoph. Cont., p. 197, Genesisius, p. 105. Вторая колонна — второе лицо после императора, т. е. кесарь Варда.

² Symeon Magist. Op. cit., pp. 681—682.

³ Гирш считает, что это сообщение Псевдо-Симеона заимствовано из Продолжателя Феофана, стр. 197 (назв. соч., стр. 330). В то же время Гирш указывает, что Продолжатель Феофана использовал в своих сообщениях известие Константина Багрянородного (De serim., p. 192 сл.) и вообще в рассказе о Льве основывается на хорошем источнике (Hirsch. Op. cit., p. 216).

Манассией¹ и, по всей вероятности, в части огневой сигнализации основано на действительном факте. Однако большинство авторов не упоминает имени устроителя этой сигнализации — Льва. Кроме Псевдо-Симеона, устройство этого своеобразного светового телеграфа приписывает Льву Константин Манассия. Уничтожение же телеграфа Михаилом, вероятно, следует считать вымышленным фактом².

При сопоставлении же всего повествования Георгия (и Псевдо-Симеона) о Льве, в целом, с рассказом о жизни и деятельности Льва, имеющимся у Продолжателя Феофана, оказывается, что последний полностью подтверждает все данные первого, внося в них новые детали, частью заимствованные из других источников (может быть, из устной традиции), частью же производящие впечатление литературной переработки основной канвы рассказа.

Следует сказать, что Продолжатель Феофана (в отличие от Георгия, с одной стороны, и от Псевдо-Симеона — с другой) при описании осады Амория вовсе не упоминает о том, что предательство было совершено учеником Льва. Сообщая о предательстве, он просто указывает, что оно было осуществлено Воидицей *Βοιδίτζης οὗτος ἐκάλειτο ὁ ἄθλιος*), не упоминая о присутствии в Амории ученика Льва. Далее он рассказывает историю самого предательства, вводя в повествование новые детали, отсутствующие в обоих ранее рассмотренных нами источниках.³

История же Льва излагается Продолжателем Феофана в другом месте — в истории царствования Михаила III в связи с описанием реформаторской деятельности кесаря Варды в области науки и просвещения. По свидетельству Продолжателя Феофана, „Варда, заботившийся о внешней мудрости (*τῆς ἕξω σοφίας ἐπιμεληθείς*), — так как к этому времени она находилась в состоянии упадка и увядания и совсем ни во что не ставилась вследствие грубости и невежества правителей (*καὶ γὰρ ἦν τῷ τοσούτῳ χρόνῳ παραρρηῖσα καὶ πρὸς τὸ μηδὲν ὄλως κευωρηκυῖα τῇ τῶν κρατησάντων ἀγροικίᾳ καὶ ἀμάθειᾳ*), устроил так, что научные (математические) занятия в Магнавре снова расцвели, и прилагал заботы и старания к их возрождению“.⁴

¹ Theoph. Cont. Bonn, 1839, p. 197; Const. Porphyrogenitus. De cerimoniis. 1829, t. I, p. 492 сл.; Cedrenus II. Bonn, 1839, p. 175; Glycas. Bonn. 1836, pp. 542—543; Const. Manasses. Bonn, 1837, p. 205.

² См. J. Burg. Op. cit., p. 162.

³ Гирш (назв. соч., стр. 200) считает источником Продолжателя Феофана в указанном месте Генезия (Genesius Op. cit., p. 65 сл.). Ср. Theoph. Cont. Op. cit., pp. 180—181.

⁴ Theoph. Cont. Op. cit., p. 185; ср. там же, стр. 191—192.

Далее он указывает, что „во главе этой школы (σχολῆς) стоял руководитель философии — тот великий (ученый. — Е. Л.) и философ Лев (ἦρχε δὲ καὶ τῆς τριακῆς σχολῆς τὴν μὲν φιλοσοφίαν ἐξηγούμενος Λέων ἐκεῖνος ὁ μέγας τε καὶ φιλόσοφος), который по происхождению был племянником патриарха Иоанна и занимал кафедру епископа города Фессалоник; теперь же вследствие своего смещения он был свободен и стал руководителем этой школы, где он продолжал изгонять и отвращать невежество“. Возвращаясь к этому вопросу в ходе своего дальнейшего изложения, Продолжатель Феофана сообщает и некоторые дополнительные данные о деятельности Льва в школе Варды. По его словам, у Льва было там несколько помощников: „Его ученик Федор руководил обучением геометрии, Феодегий — астрономии; Кометас — грамматики греческого языка. Варда им (всем. — Е. Л.) щедро помогал и поддерживал силы приходивших туда по люб. и к знанию учащихся. Так что в течение необходимого времени они могли получить крылья познаний, опериться и пойти вперед“. Здесь, как мы видим, Продолжатель Феофана значительно дополняет прежде рассмотренных авторов, сообщая сведения из дальнейшей биографии Льва после его смещения с фессалоникской кафедры и бросая одновременно свет на происхождение Льва (его родство с иконоборческим патриархом Иоанном VII Грамматиком). В этой части повествование Феофана подтверждается данными Генесия и Зонары (за исключением сообщения о родстве с Иоанном).¹ Феофана Продолжателя повторяет почти полностью Кедрин.²

Продолжатель Феофана, а вслед за ним и Кедрин излагают известную уже нам по рассказу Георгия и Симеона историю возвышения Льва. Однако и здесь в рассказ вносятся новые детали, которые должны быть лишь частично отнесены за счет литературной обработки материала: „Достоинно внимания проследить также и то, как такой почтенный муж стал известен тогдашнему правителю (это был Феофил — родитель Михаила).

Лев, после того, как он достиг самых вершин познания в науках (τὴν τῶν μαθημάτων εἰς ἄκρον ἐπιστήμην) и овладел философией и родственными ей арифметикой, геометрией и астрономией, так же как и высокопрославленной музыкой, ... жил в нужде — в дешевой квартире и обучал тех, кто приходил к нему учиться тем на-

¹ Genesis. Op. cit., p. 98; Zonaras. Vol. III. Bonn, 1897, p. 399 сл.

² Cedrenus. Vol. II. Bonn, 1839, p. 165 сл. — В отличие от Продолжателя Феофана, Кедрин (стр. 171) указывает, что помощником Льва по геометрии был Сергей (отец того ученика, благодаря которому Лев стал известен); по арифметике и астрономии — Феодегий.

укам, каким они хотели. Когда уже прошло некоторое время и из учеников немалое количество преуспело в науках, случилось, что один из юношей (из числа тех, которые к нему приходили), достигнувший высшей ступени познаний в геометрии, стал секретарем у одного полководца и последовал за ним в лагерь... Когда же он оказался вместе с ним на войне с агарянами, он, не знаю каким образом, попал в плен к одному из знатных людей и был отдан в рабство по причине молодости своих лет. Тогда у измаилитов был амерумна по имени Мамун. И хотя он изучал и другие эллинские науки, но более всего радел о геометрии".¹

Дальнейшее повествование Продолжателя Феофана, повторяя фактическую канву событий, известную нам уже по хронике Георгия, в то же время вводит новые (частью известные уже из Псевдо-Симеона, частью явно выдуманные для придания рассказу литературной стройности) детали. Так, Продолжатель Феофана не только воспроизводит весь разговор амерумна с учеником Льва, но излагает и самое содержание научного диспута, организованного по этому случаю при дворе халифа. По словам Продолжателя Феофана, халиф по просьбе юноши призвал своих ученых: „Тогда юноша сказал, что горит желанием услышать их и их учение (τῆς αὐτῶν διδασκαλίας). Тотчас же они приступили к этому. Начертив формы треугольников и четырехугольников и приведя теоремы Эвклида (καὶ διαχάρατον τὰ τρίγωνα, τε καὶ τετράγωνα σχήματα καὶ τοὺς Εὐκλείδου κανόνες προσέφερον) и то, что было выучено твердо и со знанием дела, указали, что одно имеет такое-то название, другое такое-то. Однако, почему это так и по какой причине так называется, об этом ничего не сообщили вследствие своего невежества и незнания, а никоим образом не вследствие какого-либо недостатка речи“. В своем ответе юноша и подчеркнул, по словам Продолжателя Феофана, эти слабые пункты их познаний, а вслед за тем ясно изложил и объяснил непонимающим... что одно имеет наименование по такой-то причине, другое по другой, и вместе с тем раскрыл смысл [изложенного] так, что они поняли.

Тот же рассказ, — правда, перефразированный, — мы находим и у Зонары.² Повторяет его и Кедрин. Хотя содержание диспута изложено Продолжателем Феофана бесспорно в порядке украшения своего повествования, все же в основном рассказ его несомненно основан на достоверных фактах.³ Но даже и вымышленная часть его

¹ Theoph. Cont. Op. cit., p. 185 и сл.

² Zonaras. Op. cit., 1397, p. 402.

³ Hirsch. Op. cit., стр. 216: „На хорошем источнике основан обстоятельный рассказ о событиях жизни знаменитого ученого Льва философа...“

представляет, как будет показано ниже, интерес при определении направления научных течений рассматриваемой эпохи.

В своем дальнейшем изложении Продолжатель Феофана со свойственной ему детальностью и обстоятельностью сообщает о том, как халиф, получив от ученика сведения о великих познаниях Льва и о его бедной жизни, обратился к нему с письмом, заключающим просьбу приехать. В отличие от Георгия, Продолжатель Феофана приводит и явно сочиненное им буквальное содержание письма халифа ко Льву, в котором Халиф обещает Льву, в случае приезда, богатство, дары и почет. „Так же как по плоду мы узнаем о дереве, так и по ученику — об учителе. Так как такой (человек. — *Е. Л.*) как ты, отличающийся научными познаниями, добродетелью и глубоким пониманием, остается неизвестным своим согражданам и потому ты не оставляешь никаких плодов мудрости и знания и не удостоен у них почетом, не откажи приехать к нам и передать нам твое учение. И если это так произойдет, то перед тобой склонит голову все племя сарацин и ты будешь почтен богатством и дарами, каких никто из людей никогда не удостоивался“.¹

С той же детальностью и даже литературной напыщенностью Продолжатель Феофана описывает момент встречи ученика с учителем в Константинополе. Сообщая о передаче письма Львом Феофилу, он упоминает (в отличие от Георгия) о посредничестве логофета Феоктиста. Ту же деталь посредничества логофета вводит и Зонара, который, однако, не называет Феоктиста по имени.² Сохраняет ее и Кедрин.³

Далее Феофан расходится с Георгием. По его сообщению, Феофил, узнав обо Льве, „поставил его преподавать в церкви „Сорока мучеников“. У Георгия же, как мы видели, речь идет о преподавании в Магнавре.⁴ Сведения Феофана, как обычно, повторяет и Кедрин.

Далее следует рассказ, снова отсутствующий у Георгия, о втором письме халифа ко Льву, в котором халиф изложил свои недоумения в астрологических и геометрических вопросах. Феофан сообщает, что Лев не только блестяще разрешил все поставленные ему задачи, но дополнил письмо, для того чтобы больше поразить халифа, „некоторыми предсказаниями будущего“. Получив это письмо, халиф, восхищенный познаниями Льва, написал третье письмо, адресованное уже непосредственно Феофилу, в котором

¹ Theoph. Cont. Op. cit., p. 188.

² Zonaras. Op. cit., p. 400.

³ Cedrenus. Op. cit., p. 168.

⁴ Theoph. Cont. Op. cit., p. 189.

просил прислать Льва хотя бы лишь на время, обещая за то 20 кентенариев золота и вечный мир и союз. Совершенно очевидно, что все эти детали, сообщаемые, кроме Феофана, явно зависимым от него Скилицей-Кедрином, нужно причислить к числу литературных прикрас и измышлений, осложняющих правдивый и краткий рассказ Георгия.

Повествование завершается в этой части указанием, что Лев был назначен фессалоникским митрополитом. В этой части вторично вводится уже отмеченная нами выше подробность. Продолжатель Феофана сообщает, что Лев был рукоположен в митрополиты патриархом Иоанном, как его родственник и человек, исполненный мудрости.¹ О назначении Льва в Фессалонику, проведенном патриархом Иоанном, сообщает и Кедрин,² а также и Глика.³ Факт этот не внушает сомнений, учитывая хронологию событий. Несколько дальше Феофан сообщает, что Лев был митрополитом в течение трех лет: „Ныне же, после того как прошло три года — так как столько времени прошло со времени занятия им кафедры, вследствие смещения с нее, он снова стал преподавать в школе Магнавры“.⁴

Наряду с Феофаном Зонара, Кедрин и Глика⁵ указывают, что Лев был смещен в связи с восстановлением иконопочитания, ибо он разделял иконоборческие воззрения. Отсюда вытекает, что Лев был назначен митрополитом около 840 г., т. е. в то время, когда патриарший престол действительно занимал Иоанн (834—843). О родстве Льва с патриархом, кроме Феофана, сообщает и Кедрин.⁶

Вслед за тем Феофан переходит к обозрению дальнейших событий жизни Льва, последовавших за этим назначением. Прежде всего он рассказывает о предотвращении Львом с помощью его астрологических познаний голода в Фессалониках: „Он же, после того как был рукоположен в Фессалоники, завоевал своей добродетелью всеобщее расположение и уважение. Но почему он более всего почитался прославленным — это показывает следующий рассказ. В те времена земля стала такой тощей и бесплодной, что

¹ В первом случае Продолжатель Феофана говорит о том, что Лев был племянником патриарха Иоанна — стр. 184; во втором — упоминает снова о его родстве с ним — стр. 191.

² Cedrenus. Op. cit., p. 170.

³ Glycas. Op. cit., pp. 540—541.

⁴ Theoph. Cont., p. 192.

⁵ Zonaras. Op. cit., p. 402; Cedrenus. Op. cit., p. 166; Glycas. Op. cit., p. 541.

⁶ Cedrenus. Op. cit., p. 135.

вовсе не давала урожая, так что над жителями нависла даже угроза голодной смерти. Увидев это и сочувствуя горестям жителей, Лев стал убеждать их не беспокоиться... Через некоторое же время, так как он с помощью астрологии установил, что от появления некоторых светил и от фаз их заката зависят и некоторые земные явления, он засеял семена и ввел их в недра земли. Вследствие этого возникло такое изобилие плодов и такой урожай с приходом весны, что его хватило еще на многие следующие годы... По этой причине еще более возросла любовь жителей Фессалоник к этому мужу". Это сообщение, подчеркивающее астрологические познания Льва, мы находим не только у Продолжателя Феофана. Не говоря уже о Кедрине, повторяющем Феофана и в этой части, это сообщение содержит в кратком виде и хроника Михаила Глики.¹

Ссылаясь на устные рассказы, Феофан сообщает также и некоторые биографические сведения о Льве, относящиеся к начальному периоду его жизни и отсутствующие у всех других авторов, кроме Кедрина. „Рассказывают, — пишет он, — что он говорил своим близким, что-де грамматикой и поэтикой он овладел в занятиях в Константинополе; для усовершенствования же в риторике, философии и арифметике он обратился на остров Андрос. Там он встретил мудреца, у которого изучил первоосновы и некоторые положения; затем же, так как он стремился найти не это, он обошел кругом эту каменистую землю, посетил монастыри, нашел там и приобрел имевшиеся там книги и на вершинах гор усердно ими занимался так, что достиг вершины познания. Насыщенный науками, он снова возвратился в Константинополь, рассыпая семена знаний жаждущим".²

Повторяя этот рассказ, Кедрин упоминает и имя ученого, у которого Лев учился на острове Андросе, — Михаила Пселла. Насколько можно судить по имеющимся у нас данным, это вообще единственное упоминание о существовании Михаила Пселла старшего и потому легко может быть или собственным измышлением автора, или позднейшей глоссой.³

Помимо рассмотренных данных, в повествовании Феофана имеются еще два отчасти известных уже нам сообщения. Первое из них содержит указание об уничтожении Михаилом системы световой сигнализации, подробно описанной Псевдо-Симеоном и известной и по другим источникам, однако без упоминания имени ес

¹ Glycas. Op. cit., p. 541; Cedrenus. Op. cit., p. 170; Theoph. Cont. Op. cit., p. 191.

² Theoph. Cont. Op. cit., pp. 191—192.

³ Cp. Fuchs. Op. cit., p. 18 сл.

изобретателя — Льва; второе — рассказ о предсказании Льва кесарю Варде об угрожающей ему смерти.¹

Таким образом, в сообщении Феофана мы находим по отношению к прежде рассмотренным нами авторам следующие новые моменты: 1) отсутствие связи в изложении между описанием осады Амория арабами и историей Льва; 2) рассказ о деятельности Льва в Университете кесаря Варды, о его помощниках и учениках; 3) характеристику круга научных интересов Льва; 4) неизвестные Георгию детали в части переписки халифа с Львом и Феофилом (три письма; посредничество Феоктиста, содержание научного диспута Льва с арабскими учеными); 5) имя халифа Мамуна; 6) о назначении Льва профессором в церкви „Сорока мучеников“; 7) о рукоположении Льва в Фессалонику патриархом Иоанном VII; 8) о родстве Льва с иконоборческим патриархом; 9) о предупреждении Львом голода в Фессалонике с помощью своих познаний; 10) о его смещении и назначении руководителем Университета Варды; 11) о его учебной подготовке в Константинополе и на острове Андросе.

Из числа этих новых подробностей биографии Льва одна (4-я), как уже указано, должна быть отнесена к числу домыслов автора. Прочие заслуживают дополнительного рассмотрения.

Мы уже говорили, что Продолжатель Феофана, в отличие от Георгия и Симеона, разрывает связь между событиями, сопутствовавшими взятию Амория арабами, и историей Льва (отсутствие упоминания о предательстве ученика Льва при взятии Амория, а также и характерные слова о попавшем в плен ученике „не знаю, каким образом он (ученик Льва) попал в плен к одному из знатных людей“). Соответственно Продолжатель Феофана переносит факт переписки халифа со Львом и Феофилом на несколько лет назад, приписывая факт отправки письма Феофила арабскому халифу Мамуну.

Аморий был взят, как известно, 24 сентября 838 г. (через пять лет после смерти Мамуна). Если принять во внимание, что император Феофил вступил на престол в 829 г., то (если верить Продолжателю Феофана) описываемые события должны были иметь место между 829 и 833 гг., т. е. между годом восшествия на престол Феофила и годом смерти аль-Мамуна. Если внешне такого рода хронологическая передвигка и кажется очень подкупающей, так как халиф Мамун известен и по арабским источникам как покровитель наук и просвещения, основавший в Багдаде библиотеку

¹ Ср. Symeon Magist., pp. 676—677; Genesisius, pp. 105; Cedrenus, pp. 173.

и обсерваторию,¹ то она вряд ли выдерживает критику хронологически. В самом деле, Лев, как было указано, занимал фессалоникскую кафедру с 840 по 843 г., когда был смещен вследствие того, что разделял иконоборческие воззрения. Но если верить Феофану, назначение Льва в Фессалонику было непосредственно связано с отказом Феофила отпустить его к халифу. По словам Феофана, „Феофил, возразив (халифу Мамуну. — Е. Л.), что бессмысленно отдавать свое хорошее другим, а также и делать известными варварам научные знания, в силу которых народ ромеев вызывает удивление и почитается всеми, не удовлетворил его просьбы. Для того же чтобы его (т. е. Льва. — Е. Л.) сильнее удержать выдаваемым ему почетом, приказал Иоанну, занимавшему патриарший престол, рукоположить Льва в фессалоникскую митрополию...“²

Остается тогда совершенно непонятным, чем был заполнен образовавшийся семилетний промежуток времени (между годом смерти Мамуна и назначением Льва в Фессалонику). Мне думается поэтому, что версия Георгия, относящего эти события к времени, следующему за занятием Амория, т. е. после 838 г., и не называющего халифа Мамуном, является более правдоподобной.³ Но из этого можно сделать тот вывод, что Лев родился, очевидно, в первом десятилетии IX в. Если принять во внимание, что в Византии первоначальное образование (так называемое *ἐγκύκλιος παιδεία* или *παιδείσις*) обычно заканчивалось в возрасте 8—9 лет, а среднее к 20—25 годам,⁴ то получается, что Лев в 30-х годах IX в. мог

¹ Ср. J. Burg. Op. cit., p. 438; Бьюри в данном случае полностью следует в своем изложении Феофану, не подвергая его повествование критике.

² Theoph. Conf. Op. cit., pp. 190—191. Аналогичные соображения о хронологической неувязке отдельных моментов биографии Льва, получившихся у Продолжателя Феофана, высказывал уже и Ф. М. Россейкин в своей интересной работе, посвященной патриарху Фотию (см. выше). Однако он не довел своей критики до конца и не дал разрешения вопроса, ограничившись общим выводом о плохой связи фактов у этого автора.

³ Такому разрешению вопроса не противоречат и данные о развитии арабской науки. После смерти Мамуна при халифе Мотасиме (833—842) и позднее в халифате также продолжали переводить греческие математические трактаты и разрабатывали вопросы математики. Около 885 г. Балабахки перевел Эвклида и других греческих математиков. В ту же эпоху Мухамед-ибн-Муза аль-Хваризми) писал свои трактаты по алгебре и арифметике, переведенные позднее на латинский язык. Был ряд и других ученых. Ср. J. Burg. Op. cit., p. 438.

⁴ F. Schemmel. Die Hochschule v. Konstantinopel im IX. Jahrhundert, p. 163; Fuchs. Op. cit., p. 41 сл.; F. Dvornik. Op. cit., p. 21 сл.; Н. Скабаланович. Византийская наука и школа в XI в.; В. Г. Васильевский. Житие Стефана Сурожского. Труды, т. III, Пггр., 1915, стр. 72—73: „Сей...

уже иметь учеников. Таким образом, в данном случае изменение, внесенное Продолжателем Феофана, вряд ли можно принять за соответствующее истине. Спорным следует признать и сообщение о назначении Феофана профессором в церковь „Сорока мучеников“.

Прочие же сведения, имеющиеся у Продолжателя Феофана (пп. 2, 7, 8—11) и значительно пополняющие наши знания о биографии Льва, подтверждаются и другими источниками.

В дополнение к рассмотренным фактам деятельности Льва Михаил Глика сообщает о том, что императором Михаилом был уничтожен знаменитый золотой платан и львы, изготовленные Львом при Феофиле: „Этот Михаил, нуждаясь в деньгах, перечеканил на монету тот золотой платан, который был сделан философом Львом... на котором сидели птички, издававшие с помощью механизма звуки, так же как и львов, изготовленных для того, чтобы приводить народы в изумление (потому что удивляются их рычанию), и все истратил“.¹ Несколько раньше Глика указывает, что это дерево с птицами, как и органы, были изготовлены при императоре Феофиле.² Об этих же византийских „чудесах“, сделанных при императоре Феофиле, мы находим сведения и у других византийских авторов — у Георгия Монаха, Продолжателя Феофана, Скилицы-Кедрина, Константина Багрянородного и Константина Манассии,³ хотя никто (кроме Глика) не упоминает имени изготовившего их мастера.

Георгий Монах (в прибавлении ко второй редакции) именует этого мастера родственником патриарха Антония. „Так как Феофил имел страсть к наружному блеску, то для него был устроен учнейшим начальником золотых дел мастеров пентапиргий и два

Стефан родину имел в стране Каппадокийской, происходя из села, называемого Мориласом... Ребенком он был отдан родителями для обучения Священному писанию. И он превзошел в науке всех там сверстников и начальствующих в школе и на восемнадцатом году возраста своего, изучив внутреннюю и внешнюю (духовную и светскую) письменность, грамматику и пиитику, астрономию и геометрию и хорошо усвоив весь круг образования, сделался для всех многожеланным. Когда же родители его расстались с жизнью, он... прибыл в Афины... Нашедши туземных исконных там философов и риторов, он со всеми беседовал и немало с ними рассуждал, а затем прибыл в Константинополь...“.

¹ *Glycas. Op. cit., p. 543.*

² *Ibid., p. 537.*

³ *Georg. Monach. Op. cit., p. 793; Theoph. Cont. Op. cit., p. 172—173; Cedrenus. Op. cit., pp. 202—203; Const. Porphyrog. Vita Basilii, 257; Const. Porphyrog. De cerim., 567; Const. Manasses. Op. cit., p. 205.*

больших органа из чистого золота, украшенные разноцветными камнями и завитками, а также золотое дерево, на котором сидели птички, которые при помощи особого механизма музыкально пели“.¹

Принимая во внимание, что Лев был племянником непосредственного преемника Антония — патриарха Иоанна VII, это указание легко счесть за простую ошибку.

Во всяком случае засвидетельствованная Гликой принадлежность этого произведения Льву, „мастеру на все руки“ (по характеристике Константина Манассии), работавшему при Феофиле в Магнавре и создавшему описанные выше часы для сигнализации, более чем вероятна.²

Однако, если самое существование золотого платана, львов и птиц в IX—X вв. не внушает никаких сомнений, ибо оно подтверждается не только современной византийской историографией, но и видевшими эти „диковинки“ чужеземцами, то факт уничтожения их Михаилом III весьма мало вероятен. Константин Багрянородный (вероятно, автор этой легендарной традиции), утверждающий в сочинении, представляющем собой панегирик его деду, что Михаил уничтожил все эти сокровища, перечекавив их в деньги, истраченные на развлечения, сам же в своем другом сочинении — „О церемониях“ сообщает, что все эти диковинки демонстрировались иноземным послам.³ Принимая во внимание тенденцию автора „Жизни Василия“ во что бы то ни стало обелять своего деда и чернить его соперника, через труп которого Василий пришел к престолу, можно считать эту подробность вымышленной. Любопытно, что у Продолжателя Феофана (текст которого при передаче этого сообщения чрезвычайно близок к свидетельству Константина) это явно бросающееся в глаза противоречие уже затушевано, хотя общая тенденция и остается прежней. Продолжатель Феофана указывает, что Михаил не сумел выполнить своего намерения расплавить для перечековки эти предметы, так как ему помешала смерть. Василий же нашел их еще неповрежденными.⁴

Рассмотренный материал дает возможность установить следующие вехи в биографии Льва.

¹ Georg. Monach. Op. cit., p. 793.

² Такой точки зрения придерживается и Д. В. Айналов (Изв. Тавр. ученой арх. комиссии, № 57).

³ Const. Porphyrog. De cerim. 567; cp. Vita Basilii, 257.

⁴ Theoph. Cont. Op. cit., p. 173. Cp. Hirsch. Op. cit., 244. — О враждебной к Михаилу традиции византийских писателей, в частности Константина Багрянородного, неоднократно указывалось в литературе. См., например, J. Burg. Op. cit., p. 162.

Лев родился, по всей вероятности, в первом десятилетии IX в. Место его рождения неизвестно. Недавняя попытка Фукса¹ приписать ему происхождение из Фессалийской Ипаты, основанная на изданном Буассонадом² четверостишии автобиографического характера, представляется мне неправильной. Четверостишие, сочиненное во времена Льва Мудрого и обращенное к Евфимию (очевидно, патриарху Евфимию), вероятно, принадлежит перу Льва „Младшего“ (Хирсофакта). В этом убеждает и упоминание этого Льва в житии Евфимия с указанием на наличие переписки между ним и Евфимием.³ Наконец, и сам издатель стихотворений обращает внимание на исключительный „варваризм“ обращенных к Евфимию стихов,⁴ что трудно увязать с представлением о высокой и всесторонней научной подготовке Льва „Старшего“, подтверждаемой всеми источниками.

Лев был родственником (или, точнее, племянником?) иконоборческого патриарха и видного ученого времен Феофила — Иоанна VII Грамматика. Первоначальное образование Лев получил в Константинополе, а закончил его на острове Андросе.⁵ После завершения своего образования Лев возвратился в Константинополь и здесь в 30-х годах IX в. занимался частным преподаванием светских научных дисциплин, уделяя преимущественное внимание математике. После 838 г. он стал (через своего ученика) известен императору Феofilу и был им приглашен преподавать в Магнавру или церковь „Сорока мучеников“. Возможно, что именно в эти годы им были изготовлены часы для сигнализации и золотые „диковинки“ Магнавры.

Около 840 г. Лев получил назначение в фессалоникскую митрополию, где сумел благодаря своим научно-практическим познаниям приобрести большую популярность у местного населения. В 843 г.,

¹ Fuchs. Op. cit., p. 18.

² Boissonade. Op. cit., v. II, p. 470.

³ Vita Euthymii, 46.

⁴ Boissonade. Op. cit., v. II, p. 471.

⁵ К. Крумбахер, как было указано выше, считал, что учеником Михаила Пселла Старшего был тот Лев, который идентифицирован нами с Львом Хирсофактом или Львом Младшим. Его же Крумбахер (а вслед за ним и Hussey) считает учеником Фотия. Здесь налицо явная путаница. Учеником Фотия был, очевидно, император Лев Мудрый; учеником же (вообще сомнительного) Михаила Пселла Старшего Кедрий (единственный упоминающий об этом автор) считает того Льва, о котором речь идет в настоящем исследовании. Именно этот последний и был, вероятно, учителем (а не учеником) патриарха Фотия. См. Hergenröther. Op. cit., V. I, 1867, S. 323.

после восстановления иконопочитания, он был смещен за свою иконоборческую ориентацию и вновь занялся преподаванием в Константинополе. С реорганизацией университета кесарем Вардой в 863 г. Лев стал руководителем университета и преподавал там философию. Он жил еще и в последние годы правления Михаила III и возвышения Василия Македонянина, на что указывает сделанное им Варде предупреждение о подготовке его убийства Василием, Михаилом и их приспешниками. Убийство Варды произошло в начале Критской экспедиции 866 г., а предупреждение о его подготовке было сделано 25 марта 866 г., в день Благовещения.¹ 9 января 869 г. Лев был еще в живых, так как хронисты сообщают, что он спасся от происшедшего в этот день землетрясения.² Дата смерти Льва определена быть не может. Из его учеников известны Федор, Феодегий, Кометас, Сергей. Кроме того, Лев был, по всей вероятности, учителем Фотия.³

Паннонская легенда содержит указание на то, что Лев был учителем Константина (Кирилла) Философа — просветителя славян.⁴ В житии Константина упоминается (гл. IV), что „когда он прибыл в Константинополь, его определили к профессорам для обучения. И после того как он изучал там в течение трех месяцев грамматику, он обратился к другим наукам. Он изучал Гомера у Льва и Фотия, диалектику и все другие философские науки. Он даже изучил, кроме того, риторику и арифметику, астрономию, музыку и другие эллинские науки“.

Крумбахер и Бьюри считают, что к биографии Льва имеет непосредственное отношение и стихотворная апология, написанная в ответ на стихи Константина, именующего себя учеником Льва, опубликованная П. Матрангой⁵ и перепечатанная у Миня.⁶ Бьюри, в отличие от Матранги и Миня указывает, что апология была также написана Константином уже после смерти Льва Философа в ответ на упреки в том, что Константин опорочил память учителя.⁷

Вопрос о том, принадлежит ли эта апология ученику того Льва, о котором у нас идет речь, или ученику Льва Младшего, жившего при Льве VI (о котором идет речь у Крумбахера), в настоящее

¹ О дате покушения см. J. Bury. Op. cit., p. 170.

² Georg. Monach. Op. cit., p. 840; Leo Gramm. Op. cit., p. 254; Symeon Magist. Op. cit., p. 688.

³ Hergenröther. Op. cit., B. I, S. 323.

⁴ Dvornik. Op. cit., p. 354.

⁵ Matranga. Op. cit., p. 557 ff.

⁶ Migne. Patr. gr., t. CVII, p. 161 sqq.

⁷ J. Bury. Op. cit., p. 440.

время вряд ли может быть разрешен окончательно. Однако совокупность данных говорит скорее за то, что апология и весь круг вопросов, затронутых этим произведением, должны быть отнесены к фактам биографии Льва Младшего. Резкие обвинения Льва в нечестии, в пренебрежении к языческим богам, весь скандальный характер эпизода гораздо лучше увязываются с фактами биографии Льва Хирсофакта, чем Льва — ректора университета Магнавры. Опубликованное М. А. Шапгиным сочинение Арефы Кесарийского *χιρσοφάκτου ἢ μισογόνου*, содержащее обличение Льва Хирсофакта Арефой в неверии, приверженности к эллинизму, Платону, гностикам, трагикам и в том, что он превращает церковь в театр, также говорит в пользу высказанного нами предположения.¹ Выше было уже отмечено, что Лев Хирсофакт впал в немилость и был скомпрометирован, как указывает его переписка. Второй же Лев ректор Университета, чрезвычайно восхваляется всей сохранившейся, исторической традицией. Трудно думать, чтобы подобное обвинение в нечестии могло пройти незамеченным для всех византийских историков X—XII вв., согласных в своей положительной оценке Льва, несмотря на то, что он разделял иконоборческие воззрения.

С другой стороны, эта необычайно мягкая (для писателей монашеской и иконопочитательской ориентации) оценка заслуг Льва и даже его благочестия указывает скорее всего на то, что Лев не принадлежал к ярким иконоборцам и был вообще сравнительно индифферентен к вопросам богословия.² Вся совокупность данных указывает на ярко выраженный светский характер научных интересов Льва. Его исследования шли главным образом в направлении изучения вопросов математики, практической механики и прикладного естествознания. На первое указывает и его имя; на второе и третье — его изобретения (система сигнализации, золотой платан с поющими механическими птицами), а также и его астрологические занятия и наблюдения над движениями небесных тел.³

¹ См. М. А. Шапгин. Византийские политические деятели первой половины X в. Византийский сборник, 1945, стр. 228—248.

² J. Burg. Op. cit., p. 442; Hergenröther (назв. соч., т. I, стр. 323) объясняет сравнительную мягкость отношения ко Льву после восстановления иконопочитания тем, что он перешел на сторону иконопочитателей. Ф. М. Россейкин (назв. соч., стр. 17) подкрепляет это предположение тем, что указывает на факт присутствия Льва вместе с православными в церкви во время землетрясения 869 г.

³ Возможно, что именно этому ученому принадлежит фрагмент астрологического сочинения „О затмениях солнца и луны“, находящийся в рукописи библиотеки Марка (№ 366) и изданный Гертлейном (см. F. Hertlein. Fragment Leons über Bedeutung von Sonnen und Mondfinsternisse. — Hermes, 1874, SS. 173—176),

Развитие византийской науки не представляло исключения в средневековой Европе. По меткой характеристике средневековой науки, данной Ф. Энгельсом, „в руках попов политика и юриспруденция, как и все остальные науки, превратились в простые отрасли богословия, и в основу их были положены те же принципы, которые господствовали и в нем... Это верховное господство богословия во всех областях умственной деятельности было в то же время необходимым следствием того, что церковь являлась наивысшим обобщением и санкцией существующего феодального строя“.¹

Положение Ф. Энгельса приложимо и к византийской науке VI—IX вв., в которой это господство богословия стало — с ликвидацией центров светской научной мысли — почти полным. Церковь в течение всей предшествующей эпохи тщательно изгоняла остатки положительного знания, в особенности в области естественно-научных дисциплин. Знакомство с классическим наследием терпели лишь как необходимое зло. Самое изучение классиков не выходило за чисто филологические рамки и заключалось в простом зазубривании.²

В житии Иоанна Психаита имеются характерные указания, рисующие отношение церковников и монахов к изучению светских наук. Житие Иоанна, пострадавшего во время преследований иконопочитателей Львом V Армянином (813—820) и умершего при Михаиле II (820—829), было написано неизвестным монахом после 842 г.³

Прославляя Иоанна за его „благочестие“, монах пишет, что Иоанн Психаит посвящал дни и ночи изучению божественных наук и не упускал ни одного случая для изучения божественного закона и Священного писания. Он не нуждался, по словам автора, ни в знании слов и фраз, ни особенностей языка, ни „бодловни“ Гомера. Отзываясь столь же пренебрежительно о риторике, диалектике и силлогистике, а также и о философии, автор-монах так характеризует свое отношение к астрономии, геометрии и арифметике: „Он (Иоанн) трактовал астрономию, геометрию и арифметику как предметы, не имеющие реального значения. И действительно, как можно предполагать о существовании столь малых вещей, как

так же как и несколько эпиграмм на античных математиков, механиков и астрологов, опубликованных у Brun. *Analecta* III, 1746, p. 128 и Migne. *Patr. gr.*, 107, VII.

¹ Ф. Энгельс. *Крестьянская война в Германии*. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VIII, стр. 128.

² F. Schemmel. *Op. cit.*, SS. 156 ff.

³ P. van der Ven. *La vie grecque de Jean le Psichaité*. — *Le Museon, Nouvelle série*, v. III, pp. 97, 125.

числа четные и нечетные, которые сами по себе не имеют никакой реальности".¹

Принимая это во внимание, надо признать, что в самом направлении исследовательских интересов Льва, их ярко выраженном светском характере и научно-практическом уклоне чувствуется свежая струя. Это особенно отчетливо видно, если бросить взгляд на состояние науки и просвещения в предшествующий период времени.

К VI в. Константинополь превратился, в результате мероприятий византийского правительства, в крупнейший научный центр. Созданный еще в 425 г. Константинопольский университет, с самого начала по своей величине превосходявший наиболее значительные провинциальные высшие школы — Афин, Антиохии, Бейрута, Александрии, — с VI в. — с закрытия Афинской академии, занял неоспоримо первое место в империи.² По свидетельству армянского писателя Лазаря Парбского, „с этого времени источники знаний изливаются из Константинополя, как из столицы. Именно туда стекаются лучшие ученые силы из всех районов Греции“³ или, точнее говоря, Византии. Характерно, что почти все наиболее знаменитые деятели на поприще византийской культуры, подвизавшиеся в Константинополе в VI в., были выходцами из провинций. Малая Азия (Филадельфия) была родиной Иоанна Лида; Милет и Траллы — Анфимия и Исидора; Палестина — Прокопия Кесарийского; Сирия — Иоанна Эфесского и Романа Сладкопевца; Месопотамская Амида — придворного врача Аэция, получившего образование в Александрии.⁴

Когда была образована комиссия для подготовки Юстинианова законодательного свода в 530 г., в состав ее были включены, наряду с двумя константинопольскими профессорами права, два профессора Бейрутской юридической школы. Председателем комиссии был назначен Трибониан, памфилиец по происхождению.

Явления эти отнюдь не случайны. Юстиниан, как известно, вел ожесточенную борьбу против языческой науки, стараясь противопоставить ей новую — христианскую. Закрытие Афинской академии в 529 г. и жестокое преследование ученых-язычников должно было

¹ P. van der Ven., Op. cit., p. 109 SS.; Dvornik. Op. cit., p. 30.

² Fuchs. Op. cit.; Schemmel. Op. cit.; его же. Die Hochschule von Athen im IV und V Jahrhundert. Ebd.; его же. Die Schule von Berytos. — Philologische Wochenschr., 1923, № 10 и др.

³ Langlois. Collection des historiens de l'Arménie II. Paris, 1869, p. 261.

⁴ Врачи и ученые в области медицины, как правило, привлекались из Александрии. См. Krumbacher. Op. cit., S. 614.

расчистить дорогу для полного торжества христианского православного мировоззрения, оплотом которого должен был стать столичный университет. Первенство Константинополя над его главным соперником — Афинами — нашло свое яркое отражение в эпиграмме, обращенной к афинянам: „У вас, афинян, всегда на устах ваши философы — Платон, Сократ, Эпикур, Аристотель, а на деле у вас остаются только Гиметт с его медом, гробницы ваших покойников и тени ваших мудрецов; веру и мудрость следует искать теперь в Константинополе“.¹ Хотя этот процесс уничтожения старой языческой культуры и носил первоначально поверхностный характер, но все же язычеству и языческой науке был нанесен сокрушительный удар.

Если еще в конце V в. армянский философ Давид,² учившийся в Византии, по окончании курса в Афинах приехал для завершения своего образования в Константинополь, то теперь это стало обычным явлением. Хотя на первых порах в провинциях высшие школы еще продолжали существовать, но в VI в. они отошли на задний план, уступив первенство столице.

Правда, еще при Юстиниане отдельные представители научной и философской мысли оставались попрежнему язычниками и принимали христианство лишь для вида. Не только среди ученых, стоявших далеко от придворной среды, но и среди ближайшего окружения императора было немало людей, справедливо подозреваемых в язычестве. Трибониан, например, считался неверующим, а Иоанн каппадокиец, по свидетельству Малалы и Иоанна Эфесского, придя в церковь, бормотал про себя языческие молитвы.³

Тем не менее вся наука в целом, так же как и система просвещения, коренным образом изменила свой характер; основной тенденцией эпохи стало полное подчинение науки интересам богословия и практической политики церкви и правящего класса. Эта тенденция с полной отчетливостью проявляется уже в самой системе обучения. Преподавание в высшей школе в VI в. включало попрежнему курсы античной филологии, философии и права, но оно было построено с таким расчетом, чтобы готовить деятелей в области политики и права, знакомых не только и не столько с наследием прошлого, сколько с творениями современной им эпохи. Это с очевидностью явствует из реорганизации системы юридиче-

¹ Cramer. Op. cit., IV, p. 315.

² C. Neumann. Mémoire sur la vie et les ouvrages de David., p. 21; Fuchs. Op. cit., p. 4.

³ Joh. Malala. Bonn, 1831, p. 449; III. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. 1908, стр. 558, 571, 576 и др.

ского образования. В связи с большими работами по составлению сборников права, юридическому обучению в школе стало уделяться в VI в. особенно большое внимание: не только было увеличено число профессоров права, но и пересмотрена заново самая система преподавания. Прежде (до 533 г.) пятилетний курс обучения праву строился в Константинопольском университете следующим образом: в первые три года изучались институции Гая и *responsa* Папиниана (комментарии к эдикту); в четвертый год изучали *responsa* Павла. Лишь после этого — на последнем году обучения читались императорские конституции. Учащиеся именовались на первом году обучения — *dupondii*, на втором — *edictales*, на третьем — *parianistae*, на четвертом — *λύται*, т. е. освобожденные, на пятом — *πρόλυται*. В Бейрутской школе права в курс юридического преподавания включались также кодексы Грегорианский и Гермогенианский и книги Ульпиана. Так обстояло дело раньше. По новой же программе, установленной конституцией 533 г., в основу всего пятигодичного курса обучения легли новосозданные законодательные сборники Юстиниана.

На первом году учащиеся, именовавшиеся теперь *Justiniani novi*, изучали уже не институции римского юриста III в. Гая, а недавно изданные институции императора Юстиниана. На втором, третьем и четвертом году вместо высказываний римских юристов Папиниана и Павла проводилась детальная проработка Юстиниановых дигест. Весь курс обучения завершался на пятом году Юстиниановым кодексом.¹

Нужно принять во внимание, что законодательство Юстиниана, изучавшееся в школе, во многих своих разделах отступало, в соответствии с требованиями современной ему эпохи, от юридических норм старого римского права. Наука права, защищавшая новые интересы господствующего класса VI в., заметно пронизана тенденцией увязать старые нормы классического римского права с идеями и канонами христианской церкви и изменившейся общественной структурой византийского государства. С особой отчетливостью эти новые тенденции заметны в новеллах. Так, например, в новелле 131 (с. I) канонам первых четырех вселенских соборов по вопросам брачных взаимоотношений придается значение общеобязательного закона. В Юстиниановом праве исчезают последние следы римского наследственного права. Все право наследования стало строиться уже не по принципу агнатического родства, как было прежде. В его основу был положен чуждый римскому праву принцип

¹ Dig. Proem., I; Corpus juris civilis, ed. stereotyp., t. I.

когнатического родства, без различия пола наследников, по порядку их близости к умершему и без всяких ограничений для женщин. Запутанная с течением времени многочисленными поправками система наследования была, таким образом, значительно упрощена.¹

Имелись и другие, не менее существенные изменения, отличавшие право VI в. от права предшествующей эпохи, фиксировавшие новые формы эксплуатации крестьянства (законодательство о колонате),² привилегированное положение церкви, лишение прав язычников и „еретиков“ и т. д.

Еще в более резкой степени разрыв с античной традицией сказывался в других отраслях знания, в особенности в области естественно-научных дисциплин. Так, например, медицинский трактат, составленный Александром из Тралл, жившим в 525—605 гг., по характеристике Крумбахера поражает самостоятельностью суждений по отношению к древним авторитетам.³ Одним из ярких документов является в этом смысле знаменитая „Христианская топография“ Козьмы Индикоплова, составленная им в 547—549 гг.

Стремление византийского правительства противопоставить старой языческой науке новую, идущую вслед за церковной догматикой, — науку, пропагандирующую каноны господствующей церкви и всецело подчиненную ее интересам, нашло отражение в создании нового центра обучения. Этим центром явилась школа, основанная при константинопольском патриархате. Во главе ее стоял профессор, носивший характерное наименование *οἰκουμηνικός διδάσκαλος* — „вселенский учитель“. Первым упоминаемым в источниках вселенским дидаскалом был грамматик Хоѳробок, живший, по всей вероятности, во второй половине VI в. Время основания школы патриархата неизвестно. Основываясь на наличии термина *οἰκουμηνικός διδάσκαλος* уже в VI в., Шеммель относит начало школы ко времени Юстиниана.⁴ Школа патриархата постепенно оттеснила на задний план Константинопольский университет.

Во времена Юстиниана I и Юстина II (565—578) появились первые сборники церковно-правовых норм, составленные Иоанном Схолстиком (патриархом константинопольским в 565—578 гг.). Главным их содержанием являлись постановления четырех вселенских и шести поместных соборов. Весьма возможно, что они и были вызваны к жизни той новой школой, которая возникла при константи-

¹ См. *Novellae* 118 (543 г.) и 127 (548 г.).

² *Codex*... XI, 48—53 и др.

³ *Krumbacher*. *Op. cit.*, p. 614.

⁴ *Schemmel*. *Die Schulen von Konstantinopel des IX—XI Jahrh.*, *Phil. Wochenschrift*, 1923, № 48/52, S. 1178.

нопольском патриархате. Тогда же (565—578 гг.) был составлен и сборник канонического права из 25 глав, заимствовавший свое содержание из Юстинианова кодекса и новелл. К этому же времени (или несколько позже, но не позже 610 г.) относится и составление номоканона из 50 титулов.

Если император Маврикий еще проявлял живой интерес к светской литературе и науке, то при его преемнике Фоке (602—610) Константинопольский университет был, повидимому, совсем ликвидирован.¹

В правление Ираклия школа патриархата была переедена в новое помещение (*palatium sacrum*) и для преподавания в ней был приглашен из Александрии философ Стефан, получивший звание „вселенского дидаскала“.² Стефан обучал своих учеников философии (по Платону и Аристотелю), арифметике, геометрии, астрономии и музыке. Некоторыми исследователями высказывалось мнение, что в школе патриархата с закрытием университета было сосредоточено и обучение праву.³

Глубокие потрясения, которые переживала империя в VII в., — гражданская война и территориальные потери на Востоке, продвижение на Балканах аваров и славян и водворение в Италии в 568 г. лангобардов — привели к общему разорению Византийского государства. Экономические и политические трудности способствовали упадку старых школ и падению античной образованности. Целые области были опустошены и разорены, население массами вымирало от голода, войн, эпидемий. Значительные территории, в результате этих событий, оказались занятыми новым славянским населением, по языку и традициям чуждым греческой науке. К тому же реформа образования, проведенная в VI в. под флагом создания христианской науки и уничтожения оплотов старой античной культуры, значительно сузила число школ и круг дисциплин, преподававшихся в школе. Если сохранялись отдельные элементарные школы грамоты, то во всяком случае образованных людей, и тем более ученых, владевших знанием античной науки и философии, становилось все меньше и меньше. После смерти Стефана в Константинополе не оказалось никого, способного продолжать занятия с его учениками. Последние были вынуждены для окончания обучения философии обратиться к не известному нам по имени трапезундскому монаху, получившему философскую подготовку в Афинах.⁴

¹ Schemmel. *Op. cit.*, p. 1178.

² Fuchs. *Op. cit.*, p. 9; Schemmel. *Op. cit.*, p. 1178.

³ Heimbach. *Basilica*, t. VI, Proleg. 8.

⁴ В этом отношении очень интересно сообщение армянского писателя Анании из Ширака. См. F. Conybeare в *Byz. Ztschr.* VI, 1897, pp. 572—538.

Однако, несмотря на остро ощущавшийся недостаток научных сил, школа патриархата продолжала существовать, получая материальную поддержку от императора. По всей вероятности, эта школа являлась в VII—VIII вв. единственным центром высшего образования в Константинополе, а может быть, и вообще в Византии. Александрийская, Антиохийская, Бейрутская и Газская школы были утрачены Византией в результате потери восточных провинций — Египта, Сирии, Палестины, завоеванных арабами. Афины же, сохранившие по традиции и в эту эпоху интерес к изучению философии и воспитавшие из поколения в поколение отдельных выдающихся ученых, утратили свою философскую школу еще в VI в.

Профессора школы Константинопольского патриархата, подготовленные в области светской и духовной науки, подбирались из наличных в империи ученых, подвергавшихся при замещении должности специальному конкурсному испытанию. Школа помещалась во дворце над императорской цистерной. При ней имелась библиотека, насчитывавшая, по позднему свидетельству Зонары, до 36 тыс. томов.¹ Именно в этой школе получил философскую и богословскую подготовку Косьма (около 700 г.), явившийся позднее учителем прославившегося в иконоборческую эпоху защитника иконопочитания, философа, ученого и поэта Иоанна Дамаскина.

Так как школа Константинопольского патриархата включала в свой состав все лучшие наличные в империи богословские авторитеты, то она постепенно превратилась в высший центр богословской мысли, в своеобразный научный совет при императоре по вопросам церковной политики и церковной догматики. В житии Германа и у Льва Грамматика² указывается, что император консультировался с этим советом по всем важнейшим вопросам. Когда, в связи с ростом числа и богатства монастырей, культ икон и реликвий, императоры Исаврийской династии, начиная с Льва III (717—741), выступили с реформами, направленными против монастырского землевладения, а также начали борьбу против иконопочитания, школа патриархата оказалась в лагере защитников старого уклада и иконопочитания. Этим и можно объяснить, что император Лев III одновременно с проведением других иконоборческих реформ ликвидировал и школу патриархата. Факт закрытия школы патриархата Львом III засвидетельствован всеми источниками, за исключением Феофана. Важнейшим свидетельством является житие Гер-

¹ Zonaras, 259; Fuchs. Op. cit, p. 11; Laborde. Les écoles de droit dans l'empire d'Orient. Bordeaux. 1912, p. 138.

² Leo Gramm. Op. cit., p. 177; Fuchs. Op. cit., p. 10.

мана,¹ патриарха константинопольского (715—730); по мнению Fuchs'a, этим житием пользовался Феофан для составления своей хроники. Оно было составлено, по предположению этого исследователя, вскоре после смерти Германа.² Сообщение жития о школе патриархата, подтверждается и другими авторами — Георгием Монахом, Львом Грамматиком, Феодосием Мелитенским, Георгием Кедриным, Зонарой, Ефремием, Манассией, Гликой и др.³

Таким образом, факт этот вряд ли может внушать сомнения. Источники сообщают, что Лев III, не сумев столкнуться со школой по вопросам религиозной политики, приказал запретить учителей в школе и ночью поджечь школу вместе с ее богатой библиотекой и „вселенским дидакалом“ с его 12 помощниками. Большинство исследователей (Бьюри, Райн, Фукс, Скабаланович и др.) считает этот поджог монашеским вымыслом. Окончательно вопрос разрешен в этом смысле L. Bréhier.⁴

Сторонники этой точки зрения основательно указывают, что самый надежный из хронистов рассматриваемого времени — Феофан — при своей ярко выраженной антииконоборческой ориентации вряд ли мог бы умолчать о подобном факте, если бы он действительно имел место.⁵

В течение всего VIII в., поскольку можно судить на основании молчания источников, в Константинополе не было создано какой-либо новой высшей школы. Однако из этого не следует, что сообщение Григория Монаха о полном упадке науки в Византии, начиная с этого времени вплоть до второй половины IX в. (до восстановления иконопочитания), вполне точно отражает действительность.

Иконоборческие императоры, насильно ликвидировавшие иконопочитательскую науку, отнюдь не являлись, поскольку можно судить по имеющимся в нашем распоряжении данным, противниками

¹ Источники собраны у Fuchs. Op. cit.

² По мнению Фукса, оно составлено одновременно с хроникой Феофана, т. е. около 810 г. Иную, позднейшую и, вероятно, более правильную дату жития установил проф. И. Д. Андреев, Герман и Терасий, Сергиев Посад, 1907, стр. 187—192.

³ Georg. Monach. Op. cit. ed. de Boor II, 742; Leo Gramm. Op. cit., 177; Theodosius Melitenus, ed. Tafel, 1859, p. 122; Cedrenus. Op. cit., I, 795; Zonaras. Op. cit., III, 259; Ephraemius. Bonn, 78, v. 1697 ff.; Synopsis Sathas VII, 123; Manasses. Op. cit., 182—184, v. 4257, 7; Glycas. Op. cit., 522, Patria Constantinoupolis. Preger. 226, 7. Детали и литературу см. у Fuchs. Op. cit.

⁴ L. Bréhier. Notes sur l'enseignement supérieur à Constantinople. — Byzantion. Vol. III, pp. 73—93; vol. IV, pp. 14—28.

⁵ Ср. сводку данных и детальное рассмотрение у Fuchs. Op. cit., p. 1 и Н. Скабаланович, назв. соч., стр. 9.

всякой науки. Работы по подготовке к изданию законодательных сборников VIII в. были бы немыслимы без наличия образованных юристов, хорошо знакомых с законодательными материалами предшествующего времени. Но дело не ограничивалось одними только юридическими дисциплинами. По всей вероятности, продолжались исследовательские работы и в области других наук. Принимая во внимание, что и в предшествующую иконоборческую эпоху исследования велись в очень ограниченных пределах, нельзя не прийти к выводу, что изменения, происшедшие в религиозной ориентации византийских правящих сфер, на первых порах мало загронули область науки. Скорее можно говорить об известном оживлении, плоды которого сказались в полной мере уже в IX в. К рассматриваемой эпохе относится изобретение „греческого огня“, что свидетельствует о наличии работ в области прикладной, военной химии.

Интенсивно продолжалось также изучение вопросов богословия и философии, детально обсуждавшихся в связи с иконоборческими дискуссиями. Если иконопочитательская партия могла выдвинуть такого крупного и образованного ученого, как Иоанн Дамаскин, то трудно предполагать, чтобы в лагере его противников не было лиц, способных скрестить с ним оружие на философско-богословских диспутах. Писания Иоанна Дамаскина, с широким использованием античных философов, были рассчитаны на среду, хорошо подготовленную для их понимания. Наконец, следует принять во внимание, что почти все сочинения иконоборческих авторов были уничтожены в эпоху иконопочитательской реакции.¹

Все указанные соображения дают основание считать резкие суждения византийских историков и летописцев о полном упадке науки и просвещения при иконоборцах явно преувеличенными. Вернее было бы отнести этот сравнительно низкий уровень положительных научных исследований за счет гонений на светские науки, начавшихся с VI в. Представление об упадочном состоянии всей

¹ Согласно IX канону VII вселенского собора (787 г.) — „все детские забавы, грубые издевательства, насмешки и ложные сочинения, направленные против иконопочитания, должны быть представлены в Константинопольский патриархат и присоединены там ко всем прочим еретическим книгам. Всякий виновный в утайке этих сочинений, будь то епископ, священник или диакон, подлежит смещению; монах же или мирянин подлежит церковному отлучению“. Лишь некоторые обрывки сочинений иконоборцев сохранились в виде фрагментов, включенных для опровержения в сочинения патриарха Никифора, Федора Студита и в постановления иконопочитательских соборов. Некоторые произведения иконоборцев, цитированные иконопочитателями, рассматриваются в специальных исследованиях по этому вопросу. Подробности см. у G. Ostrogorsky. Studien zur Geschichte des byzantinischen Bilderstreites. Breslau. 1909.

науки плохо вяжется с засвидетельствованным теми же источниками интересом иконоборческих императоров к искусству и литературе, а также и с их законодательными реформами. По житиям святых рассматриваемого времени видно, что повсеместно в империи, в столице и провинциях, существовали низшие школы, которые давали учащимся элементарные сведения. Учителя школ — *παιδαγωγοί, παιδοτρίβαι, παιδευταί, γραμματισταί* и *διδάσκαλοι* — упоминаются в житиях Евдокима, Георгия Амастридского, составленном, по мнению академика В. Г. Васильевского, диаконом Игнатием, Давида, Симеона и Георгия Митиленских, записанном со слов современников, Фадора Эдесского, написанном его племянником, и Михаила Синкелла, составленном в третьей четверти IX в. со слов очевидцев. Но если были низшие школы, то, очевидно, где-то получали подготовку и учителя этих школ.

Таким образом, об упадке науки можно говорить лишь в том смысле, что исчез старый научный центр в столице и не было создано на месте его нового — до времен Феофила. Частное же преподавание и изучение философии и других наук, по всей вероятности, продолжались. Уже в начале IX в. в сфере научных исследований началось оживление, которое и привело к восстановлению при императоре Феофиле Константинопольского университета.

Обычно принято считать, что всякое возрождение наук в Византии исчерпывалось усилением изучения наследия античной науки. Рассмотренный материал позволяет внести в эту общепринятую концепцию поправку. Если принять во внимание приведенные выше факты деятельности Льва, то оказывается, что в IX в. имели место наряду с изучением наследия классических авторов и самостоятельные исследования в области естественно-научных дисциплин (практической физики, механики и акустики, математики и наблюдательной астрономии).

В числе византийских „диковинок“, демонстрировавшихся чужеземным послам, чтобы вызывать их изумление перед величием Византии, одно из видных мест занимали изготовленные Львом (или при его участии) украшения зала Магнаврѳы. Этими новинками византийского ювелирного искусства и техники византийские императоры угощали своих гостей, приводя их в состояние восхищения, граничившее со страхом. По словам Константина Багрянородного, „когда логофет заканчивает свои обычные вопросы, то львы начинают рычать, птицы (на седалище трона и на деревьях) начинают петь и звери, находящиеся на троне, поднимаются на своих подножиях... В это время иноземными послами вносятся дары и вслед

за тем начинают играть органы, львы успокаиваются, птицы перестают петь и звери садятся на свои места“.¹

По свидетельству Лиутпранда Кремонского (около 920—972), это зрелище не внушило ему страха только потому, что он был предупрежден заранее. „Когда при моем появлении... львы испустили рычание, а птицы начали петь различными голосами, соответственно породе каждой, я не испытал никакого страха, никакого изумления, так как обо всем был осведомлен от тех, которые это знают“, — писал он.

Эти „чудеса“ были продемонстрированы и русской княгине Ольге² при ее посещении Константинополя. Описание их было включено и в русскую летопись, повторившую уже известную нам версию византийских хронистов об уничтожении их императором Михаилом: „Царь же Михаил вся сокровища истоши съ игрецамъ своимъ, не токмо грипсози дасть на разореніе златых, но доброкованную златую тополу, сиречь дерево, на нем же сидяху многоразличныа птицы златыа и пѣсни возглашаху, яко от жива языка, слышащимъ их удивленію творяху, чюдящимся новой хитрости оной“.³

Таким образом, произведение одного из выдающихся представителей византийской науки IX в. — „последнее слово“ византийской техники — не прошло незамеченным и для русского летописца.

Эту непривычную для византийской науки тенденцию, проявленную Львом, правильно подметил Продолжатель Феофана в описании диспута Льва с арабскими учеными. Стремление подчеркнуть превосходство Льва и его ученика над „варварами“ в части понимания геометрии должно быть отнесено, разумеется, за счет обычного для византийских писателей пренебрежения к „варварам“. Но акцент, который Феофан делает на значении понимания математики, а не простого ее заучивания и зубуривания, правильно отражает направление прогрессивной научной мысли рассматриваемой эпохи. Лев пытался преодолеть тот резкий разрыв между унаследованной от античности теорией и жизненной практикой в сфере математики и механики, который оставался слабым местом византийской науки на всем протяжении ее развития. Лев, разумеется, не был единственным представителем этого направления.

¹ Const. Porphyrog. De cer., p. 569.

² См. Д. В. Айналов. Княгиня Ольга в Царьграде. Изв. Тавр. уч. арх. комиссии, № 57, стр. 181 и сл.

³ Описание этих диковинок дает и арабский писатель Абульфеда. См. Const. Porphyrog. Op. cit., v. II. Bonn, 1830, прим. Reiske, pp. 641—644.

Уже его дядя Иоанн Грамматик, воспитатель императора Феофила и крупнейший идеолог иконоборческой политики этого императора, был, повидимому, по своему научному направлению предшественником Льва. Иоанн был ученым человеком своего времени. За свои большие познания он, — как это обычно имело место в византийской и вообще в средневековой историографии, — был заклеен монашеской историографией как чернокнижник и колдун. Хронисты рассказывают, что в погребке загородного дома своего брата он устроил род лаборатории, в которой производил свои опыты, окутанные в глазах современников глубокой тайной.¹ Магом и чернокнижником считали и Фотия.

Ростки этого нового течения научной мысли показывают, с одной стороны, возвращение интереса к изучению наследия античности и, с другой — интерес к научно-практическому исследованию окружающей природы. Они были, очевидно, органическим следствием того удара, который был нанесен центру богословской науки первыми иконоборцами. Подобно тому как в общественно-экономической жизни Византии VIII в. проведенное императорами-иконоборцами ограничение монастырского землевладения сыграло благотворную роль, аналогичное явление имело место и в интеллектуальной области.

¹ Ф. И. Успенский. Патриарх Иоанн VII Грамматик и Русь-Дромиты у Симеона магистра. ЖМНП, т. 267, 1890, январь, стр. 1—16. Ф. И. Успенский отмечает: „Как в летописях, так и в литературе житий Иоанну усвоится характер необыкновенного человека... Хергенрейтер, приводя и объясняя записанные в летопись сказания о сверхъестественных чертах в житии патриарха Фотия (B. I, S. 325), находит возможным при этом и нашего Иоанна и знаменитого ученого конца X и начала XI в. Герберта или папу Сильвестра II. По господствующему у большинства современников воззрению, все эти лица повинны в одном и том же грехе, и объяснение сложившейся о них молвы нужно искать в их необыкновенных и поразительных для большинства познаниях“ (стр. 6—7).